

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ № 8

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Кузнецкий Мост 18;
тел. 1-23-99.

АДРЕС ЭКСПЕДИЦИИ: Москва, Кузнецкий Мост, 18;
тел. 2-80-42.

28 февраля 1929 года

Итоги местных съездов работников юстиции.

Только что закончены местные съезды работников юстиции, и мы имеем возможность подвести итоги той большой массовой работе по обсуждению основных вопросов судебного строительства и судебной политики, которая была проведена местными съездами судебных работников.

К сожалению, мы располагаем только частью материалов о прошедших съездах. Как известно, в ряде мест съезды не состоялись по разного рода причинам. Но и тот материал, которым мы располагаем, дает исчерпывающую оценку по ряду важнейших вопросов, стоящих на повестке дня VI съезда работников юстиции.

Прежде всего, как общее правило, работа всех без исключения съездов протекала при большой активности, под знаком делового обсуждения вопросов и самокритики. Проработанные резолюции и предложения, как правило, носят конкретный характер директивной установки на будущее время.

В настоящей статье мы имеем в виду осветить те основные вопросы, на которых внимание участников съездов, главным образом, было заострено.

В первом является вопрос о связи НКЮ с периферией и о методах работы НКЮ. Как общее правило, представители НКЮ упрекали (и не без основания) в том, что со стороны НКЮ не была налажена живая связь в деле руководства периферийными органами. Нередки были случаи, когда участники съезда в своих выступлениях заявляли, что они впервые слышат отчетный доклад о работе НКЮ. Выступающие ораторы отмечали, что за последнее время общеполитическое руководство работой органов НКЮ усилилось и что это руководство осуществляется на основе решений XV партийного съезда и решения последнего Пленума ЦК; благодаря этому места увязывали свою работу с конкретными задачами, стоящими перед отдельными областями и районами, в результате чего имеются существенные достижения.

На ряду с этим был отмечен ряд существенных недостатков и искажений. К числу таких недостатков надо отнести противоречивость директив по отдельным вопросам судебной практики, из числа тех директив, которые исходят отдельно от прокуратуры и отдельно

от суда. Как на наиболее существенный недостаток, указывалось, что опаздывали и недостаточно прорабатывали директивы по принципиальным вопросам судебного строительства и судебной политики и по вопросам укрепления революционной законности. Здесь имелся в виду сельхозналог, кампания по перевыборам в советы и т. д. Почти на всех съездах красной нитью проходит недовольство тем, что местные органы юстиции загружаются представлением больших, громоздких, зачастую ненужных сведений и отчетов, и в ряде резолюций этот момент отмечен в виде предложений с просьбой устранить этот недочет, наладить дело учета и отчетности оперативной и иной работы местных органов, максимально упростить ее.

Справедливо выражалось недовольство недостаточным руководством общественной работой со стороны НКЮ, в частности, работой по пропаганде права. Равным образом, в выступлениях отмечались недостатки нашей издательской деятельности: то, что мы все еще не даем нужных популярных пособий для работы с нарзаседателями, юридическими бюро и по другим вопросам основных законов, а также, что наше периодическое издание—«Еженедельник Советской Юстиции»—далеко не отвечает тем требованиям, какие перед ним ставят места, что литература дорога и несвоевременно поступает на места.

Как один из больших недостатков методов работы НКЮ, в этих же выступлениях отмечалось то, что у нас не организовано должным образом обобщение опыта местной инициативы по улучшению судебного-прокурорского аппарата и изыскание более совершенных методов его работы, а что все еще господствует тенденция давать по этим вопросам указания сверху и что в ряде случаев такой метод работы понижает инициативу, обесценивая всю работу, превращая ее в сухую, чиновническую. По этому поводу приводились примеры, указывали, что даются слишком подробные инструкции о методах обследования и ревизии и что в этих инструкциях мало внимания уделяется конкретному содержанию, существу работы.

В качестве одного из существенных дефектов методов работы НКЮ в резолюциях и в выступлениях отмечалось полное несоответствие старого метода ре-

впай. Отмечается также, что далеко не всегда на эти ревизии и обследования посылали компетентных людей, знающих практически работу мест.

Мы не имеем возможности останавливаться на других отмеченных недочетах и дефектах в методах работы НКЮ, все эти вопросы будут учтены, и будут сделаны соответствующие выводы. Но центральным вопросом, на котором низовые работники заострили внимание и который нужно безотлагательно со стороны НКЮ разрешить, является вопрос живой связи, живого руководства работой периферийных органов. Здесь действительно в методах нашей работы большой изъян, и его во что бы то ни стало нужно восполнить.

Вот в кратких чертах та оценка, которая дана местными с'ездами работе НКЮ. К этому еще нужно добавить, что особо одобрительное отношение встретили мероприятия Коллегии НКЮ о реорганизации Наркомата и о сосредоточении дела судебного руководства и судебной политики в едином центре. Равным образом, признаны своевременными и весьма жизненными и существенными передача кассационных функций краевым и областным судам и мероприятия по расширению подсудности народных судов. Особенно большим достижением с'езды считают проделанную Коллегией и Наркоматом работу в деле разрешения вопросов о разборе бытовых конфликтов товарищескими судами, и все единодушно в своих резолюциях дали директиву руководящим центрам областных и губернских объединений об организации примирительных камер и товарищеских судов.

Точно также постановлениями с'ездов отмечается своевременность постановки вопроса о пересмотре Уголовно-Процессуального и Уголовного Кодексов, а равным образом и Гражданского Кодекса. В последнем случае почти все с'езды настаивают на решительном пересмотре ГК на основе решений 15 партс'езда и общей линии и политики нашей партии в переходный к социализму период.

Уже одна эта оценка по важнейшим областям работы Наркомата и политического его руководства делом судебного строительства показывает, что уровень подготовленности наших судебных работников, как мы сказали выше, дает нам возможность быть уверенными, что дальнейшие мероприятия Коллегии и Наркомата будут нашей периферией осуществляться более четко и решительно.

С'езды также подвергли обсуждению тезисы об изменении Уголовного Кодекса, уголовного процесса и исправительно-трудовой политики. Что касается вопроса об исправительно-трудовой политике, то здесь с'езды единодушно высказываются за своевременную и правильную постановку выдвигаемой проблемы. По вопросу об уголовном процессе местами внесены отдельные коррективы, поправки и изменения.

По вопросу о тезисах об изменении Уголовного Кодекса отмечается много неясных и противоречивых положений, выдвинутых в этих тезисах, а именно, в вопросах факультативного права суда повышения меры наказания, в теории дозирования репрессий и в вопросе степени социально-опасных деяний. К сожалению, кроме этих замечаний, только в отдельных выступлениях, но не в специальной формулировке в резолюции, отмечен один существенный вопрос о бытовых правонарушениях в том смысле, что мелкие бытовые правонарушения должны быть изъяты как уго-

ловно-наказуемые деяния и не должны регулироваться нашим общим Уголовным Кодексом, а особым положением о бытовых правонарушениях, с указанием на то, что разбор этих конфликтов естественно в ближайшее время, в связи с организацией товарищеских судов и примирительных камер, отойдет к их компетенции. Такую постановку вопроса мы считаем правильной.

Вопрос о выполнении директив Коллегии НКЮ об изменении карательной политики в соответствии с решением Совнаркома от 8/III—28 г. на всех без исключения с'ездах обсуждался с особой активностью, при чем здесь прежде всего обнаружилась инертность наших судебных и прокурорских органов в деле своевременного проведения директив правительства об изменении карательной политики. На ряде с'ездов демонстрировались примеры такого свойства, что за кражу курицы давали три месяца лишения свободы и за кражу канатов стоимостью 15 руб. полгода тюрьмы.

Как правило, выступающие ссылались на то, что директивы правительства ими не проведены потому, что не поставлены принудительные работы. Подобные разговоры крайне несерьезны и не заслуживают никакого внимания, так как прежде всего дело постановки принудительных работ в смысле будирования этого вопроса и контроля за выполнением закона о принудительных работах прямо лежало на прокурорском надзоре. С другой стороны, там, где принудительные работы и были налажены и организованы, изменения карательной линии наших судебных органов также не наблюдалось. Мы считаем, что это один из больших вопросов руководства судебной политикой, на котором НКЮ имел возможность проверить свои органы—насколько они гибки и способны в нужных случаях менять установившуюся практику. И на этом примере мы убедились в том, что слишком сильны местнические соображения, порой граничащие с политической близорукостью.

Судебные и прокурорские работники шли по инерции повышения репрессий и оказались неспособными во время изменить курс судебной политики по бытовым делам, и поэтому, почти как правило, к моменту созыва с'ездов директивы правительства не были выполнены, что было засвидетельствовано при осмотре домов заключения, где представителям НКЮ пришлось освобождать большое количество осужденных на краткие сроки по малозначительным преступлениям. Этими же представителями отмечается большое количество заключенных, числящихся за следственными органами в тех случаях, когда прибегать к этому никакой надобности не было, как по соображениям следственных действий, так и по факту совершенного деяния, в виду малозначительности совершенного преступления.

Это обстоятельство обязывает нас, помимо тех директив, которые были даны за последнее время со стороны НКЮ, с требованием безоговорочного выполнения директив правительства об изменении карательной политики, еще раз отчетливо осознать, что суд и прокурорский надзор не могут плестись в хвосте мелкобуржуазных настроений, а должны рассматривать директиву правительства как политическую директиву, направленную в интересах основных трудящихся масс. Мы должны помнить, что по всем делам, проходящим через суд, 80% осужденных—по бытовым мелким делам, при чем контингент этих осужденных в своем

подавляющем большинстве рабочие и крестьяне, и было бы с нашей стороны политической близорукостью не понимать того положения, что меры воздействия по этим видам преступлений против нарушителей должны быть мерами предупредительно-воспитательного значения и иными мерами социальной защиты, но не лишением свободы. Дома заключения и всякие другие институты лишения свободы на будущее должны остаться для особо социально-опасных преступников, наших классовых врагов, казнокрадов (растратчики), взяточников, бандитов, убийц и виновных в других тяжких преступлениях.

Вот почему мы считаем этот факт негибкости и отсутствия политической четкости большим минусом в работе руководителей судебной политики местных периферийных органов. Этот же пример обязывает нас усвоить одно незыблемое положение, что всякая политическая директива Наркомата, Верховного Суда и Прокуратуры должна проводиться безоговорочно и без всяких обходов, твердо и решительно.

Переходя к вопросу об обсуждении на с'ездах основных докладов, докладов о работе областных и губернских судов и прокуроров, мы подвергли анализу два положения: 1) фактическое состояние работы этих органов и 2) направление прений и характер вопросов, которые выдвигались по этим докладам. Это позволит нам сделать выводы о степени фактического руководства руководящих судебно-прокурорских областных, губернских центров своей периферией, и, с другой стороны, покажет степень практического и политического роста местных работников — народных судей, камерных прокуроров, следователей и т. д.

Подвергая анализу эти два положения, мы прежде всего должны отметить, что в работе областных и губернских судов имеются значительные достижения в смысле проведения правильной классовой политики и некоторые достижения в деле руководства своей периферией. Но на ряду с этим нужно отметить весьма существенные недостатки. К числу недостатков следует отнести, что в ряде губерний и областей места мало уделяют внимания делу постановки и развития общественной работы (работа в административно-правовых секциях и работа по пропаганде права). Совершенно мизерными оказались результаты переподготовки судебных работников, подготовка кадров и резервов судебных работников, и в этом вопросе отсутствует целевая установка на будущее; равным образом мало внимания уделялось вопросу подбора личного состава в смысле орабочения аппарата местных органов НКЮ и вообще подбору людей, пользующихся доверием и авторитетом в широких трудящихся массах.

Все еще незначительны достижения в деле приближения суда к населению и другим мероприятиям по улучшению судебного аппарата, по экономии времени граждан, обращающихся в суд, по борьбе с бюрократизмом, волокитой и т. д. Вот, примерно, группа вопросов, которые были затронуты на прошедших с'ездах и при обсуждении которых не было, однако, дано достаточно четких директивных указаний на будущее время.

Несмотря на своевременную посылку директив по этим вопросам, и даже в противоположность этому, на большинстве с'ездов при обмене мнений по докладам судебных работников выступающие товарищи затраги-

вали и активно обсуждали все эти поставленные вопросы, выдвигали и другие вопросы, относящиеся к числу директив, к улучшению работы судебного аппарата.

Что касается обсуждения докладов прокуратуры, то здесь нужно будет остановиться несколько особо. Прежде всего нужно отметить, что аппарат прокуратуры более дисциплинирован и более четко работает, чем судебный. К числу существенных недостатков общей работы прокуратуры надо отнести весьма большое количество отчетов и сведений, испрашивающихся от местных органов, — из районной прокуратуры в округ, из окружной в областную и т. д., при чем эта отчетность громоздкая, не всегда нужная и не всегда выявляющая конкретно работу прокуратуры.

Переходя к вопросу о состоянии следственного аппарата, за небольшим исключением, придется констатировать, что достижения в деле улучшения качества работы следственного аппарата незначительны, все еще большой процент прекращенных и возвращаемых на доследование дел, слабо поставлена работа по инструктированию органов дознания в деле производства дознания, и последними неосновательно возбуждаются разного рода дела. Однако, на с'ездах вопросу поднятия качества работы следственного аппарата было уделено достаточно серьезное внимание и в директивных указаниях с'езды дали конкретную установку по улучшению следственного аппарата и работы органов дознания.

Очень бледно обсуждался вопрос о состоянии общего надзора. Здесь можно было только встретить такие выступления — приводились отдельные случаи обследования, но не давалось как в самих докладах, так и в выступлениях оценки состояния низовых органов власти — сельсовета, РИК'а, ВИК'а, — в смысле проведения революционной законности. И, наконец, общий недостаток в этом отношении тот, что для борьбы с революционной законностью не организована советская общественность, что здесь все еще работают по старому методу, производя периодические обследования и путем проверки постановлений и протоколов ВИК'ов и РИК'ов и окружных исполкомов, что, конечно, ни в коей мере нельзя признать достаточным. Вопрос постановки общего надзора требует своего разрешения именно под углом зрения изыскания новых методов работы, и, в частности, идти по той линии, что на дело проведения общего надзора нужно вокруг прокуратуры организовать общественные силы — административно-правовые секции и т. д.

Что касается судебного надзора, нужно отметить большой процент выступлений в 1-й инстанции зачастую по таким делам, где выступление представителя государственного обвинения необязательно, и слабый сдвиг в сторону усиления прокурорского надзора в работе кассационных инстанций, на что должно быть также обращено соответствующее внимание. И, наконец, большим минусом и недостатком в работе прокуратуры и суда следует отметить, что прокуратурой и судом все еще слабо выполняется работа по обобщению судебной и надзорной практики в целях предупреждения отдельных болезненных явлений в государственных и иных организациях, и устранение там, где это возможно, непосредственно силами прокуратуры или через посредство органов РКИ и др. организаций причин, порождающих отдельные болезненные

явления и преступления. Эта область работы на будущее время должна быть особенно усилена и вопросу изучения дел кассационной и надзорной практики должно быть уделено соответствующее место и внимание.

Наконец, общая разбросанность в работе прокурорского надзора видимо не дает возможности ставить концентрированные вопросы политических и практических задач в области прокурорского надзора в своей местности, отсутствие в резолюциях по прокурорским докладом таких моментов об этом свидетельствует. Если пристально присмотреться к этим резолюциям, мы увидим, что они обнимают собой группу вопросов в области надзора по отдельным видам работы. Конечно, все это нужно, но резолюции без перспективы и целевой установки с учетом политических задач, проведения тех или иных крупных мероприятий в области прокурорского надзора, должно признать неполными.

Нелишне будет остановиться на том, что, как общее правило, по прокурорским докладом отмечался большой рост жалоб и в то же время сетования на медленность их расследования и большой процент неподтверждения жалоб. Мы здесь прежде всего должны отметить, что рост жалоб является положительным фактором, близко связанным с самокритикой и более глубоким развертыванием внутрисоветской работы демократии и культурным ростом сознательности основной массы населения. Прокуратура должна прежде всего обеспечить, по возможности, рассмотрение по существу всех этих жалоб в одной инстанции и при чем в кратчайший срок. К тому, что большой процент жалоб не подтверждается, надо отнестись с недоверием. Здесь надо искать причин не в жалобщиках, и несомненно вы их найдете в недостатках расследования. При расследовании жалоб мы зачастую облачаем это расследование в чрезмерно-формальное отношение к фактам и недостаточно глубоко проводим расследование указанных в жалобе фактов, во всяком случае вопрос расследования жалоб, заметок, опубликованных и непечатанных, должен быть одним из актуальных вопросов в нашей прокурорской работе на ближайший период времени. К этой работе нужно привлечь членов административно-правовых секций, нужно поставить правильный учет характера жалоб, отражающих социальное положение жалобщиков, и причин нарушения законов, и периодически делать выводы по этому учету, с тем, чтобы применять соответствующие меры предупредительного порядка по устранению причин, порождающих нарушение рев. законности.

Выводы из сказанного, на наш взгляд, таковы¹⁾:

1) Прежде всего НКЮ решительно должен изменить методы своей работы. В основном они должны вклячаться в живой связи с периферией и в подлинном живом руководстве на месте. С этой целью надо практиковать более длительные выезды членов Коллегии НКЮ, членов Президиума Верховного Суда, пом. прокурора Республики и др. ответственных работников НКЮ на места на длительный период времени с целью содействия местам в правильной постановке всей работы органов НКЮ и в деле улучшения аппарата местных органов юстиции, делая это так, чтобы практический опыт, накопленный при таких выездах, обобщался бы и на его основе давались бы директивы

местам, в пужных случаях изменялось бы законодательство, процесс и так далее, при чем такие выезды должны быть регулярными, т.-е. системой в работе НКЮ по руководству своей периферией.

2) Кроме этого, необходимо один раз в полугодие созывать на местах расширенные совещания судебно-прокурорских работников, на которых прорабатывать наиболее крупный вопрос судебного строительства и на этих совещаниях заслушивать отчетные доклады руководителей прокуратуры и суда.

3) Увеличить число предварительных обследований и заслушивания в связи с этими обследованиями докладов на ревизионных совещаниях руководителей судебно-прокурорских органов.

4) Решительно пойти по линии проявления максимальной инициативы местных органов в деле улучшения судебного аппарата, упрощения процесса и других мероприятий. В свою очередь, НКЮ должен обобщать свой опыт в этих же целях.

5) НКЮ должен добиться полного перелома и сдвига в работе местных органов юстиции в деле надлежащей постановки общественной работы и организации общественности в вопросе проведения революционной законности и пропаганды права, всячески содействовать в этом отношении местным организациям.

6) Намеченный план по изучению отдельных категорий дел судами и прокуратурой необходимо выполнить, дабы тем самым обеспечить большую продуктивность и гибкость в деле руководства судебной политикой.

7) Необходимо теперь же безотлагательно приступить к разрешению проблемы подготовки и переподготовки кадров судебных работников, и создания резервов в соответствии с намеченными мероприятиями по пятилетке.

8) Решительно пойти по линии установления твердой дисциплины в выполнении директив центра и четкой в этом отношении работы.

9) Необходимо безотлагательно провести мероприятия по разгрузке мест от посылки ненужных сведений, громоздких отчетов и т. д., и коренным образом переработать статистику судебной политики с тем, чтобы она отвечала условиям, позволяющим делать анализ социально-экономических причин и явлений.

10) Необходимо добиться разрешения вопроса о стабильности личного состава, постепенно изживая текучесть, излишнее дерганье и переброски.

11) Со стороны мест нужно проработать вопрос о формах и методах местных совещаний работников юстиции с тем, чтобы работа последних была поставлена таким образом, чтобы прорабатывались выводы по судебной практике, кассационной и надзорной практике и заслушивались отчетные доклады как вышестоящих органов НКЮ, так и отчеты низовых органов.

12) Надо коренным образом изменить формы и методы ревизии местных органов НКЮ, сделав эти ревизии по возможности целевыми, но с перенесением центра тяжести на инструктирование и содействие постановке работы местных органов НКЮ, идя по линии проверки политической линии работы и основных вопросов судебного строительства.

13) Надо изыскать наилучшие формы для самокритики и выявления своих недостатков и отдельных болезненных явлений с целью их своевременного предупреждения.

¹⁾ Т. н. т. Стельмахович подводит итоги в тот момент, когда получены материалы еще не всех местных съездов. Редакция огорчается, что это—выводы исключительно автора статьи.

14) Расширить практику отчетов местных органов юстиции о своей работе перед рабочими и основной массой крестьянства.

15) Нужно поставить перед местными руководящими органами вопрос о проведении смотра работы органов юстиции через печать, соответственно организовав для этой цели широкие массы трудящихся и советскую общественность, с тем, чтобы смотр судебных органов помог бы нам оздоровить наш аппарат, изгнать из него следы бюрократизма и волокиты, сделать его более четким и доступным населению и тем самым усилить общественный контроль над работой наших органов, идя по линии органической связи в работе органов НКЮ с трудящимися массами.

Вот те основные выводы, которые сами по себе определились в результате работы местных съездов и требований переживаемого момента.

Этот опыт подведения итогов работы местных съездов позволит нам будущие местные съезды и совещания в организационном отношении лучше подготовить и работу их сделать более продуктивной. Мы же со своей стороны выражаем твердую уверенность, что постановления и директивы местных съездов и те, которые будут приняты на 6-м республиканском съезде, будут максимально полно проведены в жизнь, в результате чего мы на деле выполним директивы 15-го партийного съезда и все задачи, возложенные на нас правительством и партией.

А. Стельмахович.

К пересмотру Уголовного Кодекса¹⁾.

I.

Усиленным темпом экономического строительства период послевоенного восстановительного процесса закончен. Страна приступает к реконструкции промышленности. Ускоряется темп преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. Расширяется сеть кооперативной и государственной торговли. Таким образом, значительно расширяется социалистический сектор в хозяйстве страны, суживая в то же время сектор частно-капиталистический, чем вызывается обострение классовых взаимоотношений как в городе, так и в деревне. В этих условиях от советского государственного аппарата вообще и судебного в частности требуется особая классовая четкость в повседневной работе. Еще XV съезд ВКП (б) обратил на этот вопрос максимальное внимание, требуя беспощадного изгнания из госаппарата бюрократизма и волокиты. Судебные органы по своему положению в общей советской системе призваны быть на первом месте как в борьбе с волокитой, бюрократизмом и формализмом, так и, главным образом, в умелом и четком проведении классовой линии, осуществляя судебную политику в соответствии с директивами партии и правительства.

Действующий ныне Уголовный Кодекс не в достаточной мере благоприятствует изжитию формализма, бюрократизма и волокиты в самих судебных органах,

что в свою очередь не может не отразиться на проведении судами четкой классовой линии в карательной политике; постановление правительства от 26/III—28 г. констатирует целый ряд существенных недочетов в карательной и исправительно-трудовой политике. Как основные из этих недочетов в области карательной политики правительством отмечаются: а) чрезвычайный рост числа осужденных на краткие сроки лишения свободы за мелкие преступления; б) привлечение к ответственности и вынесение обвинительных приговоров исключительно по формальным соображениям; в) нереальность судебных приговоров по отношению неисправимых преступников.

В этом же постановлении правительство предлагает судебным органам:

1. Развить в максимальной степени практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты, применяя суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов.

2. Обеспечить строгое осуществление судебных приговоров в отношении указанной выше категории преступников.

3. Расширить применение судами права выносить оправдательные приговоры даже при установлении факта совершения обвиняемым преступления, если применение мер социальной защиты явно нецелесообразно.

На основе этого постановления НКЮ и Верховный Суд в свою очередь дали судебным органам ряд указаний. Однако, ни директивы правительства, ни указания НКЮ и Верховного Суда не нашли на деле достаточно полного практического применения, о чем свидетельствуют хотя бы имеющиеся в одном Сибирском краевом суде материалы, относящиеся к судебным органам Сибкрая. Так, на 1 декабря 1928 г. во всех домах Сибкрая из 9385 срочно заключенных было осужденных до 1 года 3230 ч., или 34%, при чем наибольший контингент этих краткосрочных заключенных падает на осужденных за мелкие имущественные преступления, хулиганство и мелкие должностные преступления.

Невыполнение директивы правительства и распоряжений НКЮ и Верховного Суда можно объяснить, главным образом, следующими причинами: а) переоценка судебными работниками значения мелких имущественных преступлений (мелкие кражи, порча имущества и др.), в сторону сугубой защиты частной собственности; б) методом борьбы с отдельными мелкими преступлениями ударными кампаниями; в) взглядом на лишение свободы как на единственно реальную меру социальной защиты, каковой взгляд имеет свое обоснование в действующем УК, устанавливающим лишение свободы основной мерой социальной защиты по целому ряду мелких преступлений; г) исключительно формальным толкованием в особенной части УК понятия о преступлении и ограничением в общей части УК возможности отхода от формы независимо от существа лишь при исключительных обстоятельствах, с особой в каждом случае мотивировкой; д) неорганизованностью института принудительных работ и в связи с этим нереальностью этой меры социальной защиты. Отсюда совершенно неизбежно вытекает вывод о своевременности и необходимости пересмотра действующего Уголовного Кодекса.

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения. Ред.

II.

Ныне действующий УК технически построен таким образом, что при практическом применении его наличие уголовного преступления в том или ином действии определяется главным образом по признакам формальным. В том случае, когда действие, не предусмотренное особенной частью УК, имеет явную социальную опасность, появляются затруднения в отыскании аналогичных норм, наоборот, когда действие хотя формально предусмотрено УК, но по существу не является социально опасным, суд все же не имеет возможности оправдать подсудимого, а лишь на основании установленных правил (ст. 8 примечания к ст. 6 УК) может постановить об освобождении от применения мер социальной защиты. Что же касается органов дознания, следствия и прокуратуры, то таковые по нынешнему УК не имеют и этого права. Во многих случаях это формальное ограничение приводит к вынесению судом приговоров с условным осуждением. С другой стороны, формальное толкование особенной части УК без учета действительной социальной опасности преступника и преступления имеет своим последствием колоссальное число неосновательно возбужденных дел.

Достаточно сказать, что в одном только 1928 г. через следственный и судебный аппарат Сибкрая прошло 329206 уголовных дел, по которым было привлечено около 400000 обвиняемых, или 5% всего населения Сибирского края. Из всей этой массы дел только 22½% имели своим конечным результатом обвинительный приговор.

Таким образом, мы приходим к следующим конкретным выводам:

1) в построении действующего УК нельзя не усмотреть тенденцию к установлению формы трафарета, соблюдение каковой формы на практике приводит к возбуждению колоссального количества уголовных дел там, где по существу нет никакого преступления, а также и к вынесению судом приговоров с явным нарушением существа революционного закона;

2) загроможденность особенной части УК множеством разделов и статей, часто повторяющих по существу определение одного и того же преступления, приводит к спорам о юридической природе преступления и его квалификации, что, увлекая судебных работников в сторону соблюдения отвлеченных и ненужных форм, в то же время затушевывает принципиальные классовые установки и революционную сущность закона, изложенную в общей части УК;

3) ограничение возможности оправдания, когда деяние лишь по формальному признаку является преступлением, увеличивает случаев осуждения не в интересах защиты государства и общества, а во вред им;

4) определение меры социальной защиты в соответствии с содеянным по заранее определенной норме приводит к определению мер социальной защиты, не соотносящихся с социальной опасностью лица и действия, тогда как основным критерием при определении меры социальной защиты должно являться не само преступление, как действие неправомерное по своей форме, а социальная опасность этого действия в данный конкретный момент.

III.

Уголовные кодексы буржуазных стран, в том числе и уголовные законы царской России, декларируют над-

классовые задачи суда (независимость суда), делают попытку технически предусмотреть в особенной части кодекса все случаи жизни, требующие судебного вмешательства, оставляя за судьей только обязанность подогнать преступление под статью с уже заранее определенной санкции.

Из нашего Уголовного Кодекса со всею решительностью надлежит изгнать эту тенденцию. Но из сказанного отнюдь не следует, что из Уголовного Кодекса надлежит полностью изгнать принцип соответствия меры социальной защиты тяжести преступления (эквивалентности).

Переходный период знаменуется тем, что социально-политическая обстановка в зависимости от экономически-политических причин быстро меняется, что в свою очередь меняет степень социальной опасности отдельных видов преступления, а иногда даже совершенно устраняет социальную опасность действия, признаваемого до этого социально-опасным, например: самогоноварение при большом распространении этого деяния (переход количества в качество) в период хлебного кризиса должно быть признано преступлением, имеющим серьезную социальную опасность. Но единичные случаи самогоноварения при необходимости хлебозаготовок не имеют такого значения. То же самое мы видим по применению мер социальной защиты по ст. 107 УК. Те деяния, которые во время кризиса по хлебозаготовкам представляли серьезную опасность против порядка управления, в последующее время стали менее серьезными. Таким образом, в новом Уголовном Кодексе следует расширить понятие об эквивалентности, не укладывая этого принципа в узкие рамки отдельных статей особенной части, а предоставить возможность судьям варьировать определение социальной опасности и применение мер социальной защиты на основе социально-политических и экономических условий данного периода.

IV.

Имея в виду необходимость приспособления судебного аппарата для выполнения задач, возложенных на него XV съездом ВКП (б), при проведении революционной законности, а также учитывая социально-политическую обстановку данного конкретного периода при построении нового Угол. Код., должны быть положены в основу следующие принципиальные установки:

1) марксистская теория уголовного права рассматривает преступление, как продукт определенных общественных отношений; с этой точки зрения совершение преступлений в переходный к коммунистическому строю период, когда сохраняется еще деление общества на классы, но когда в нашей стране в отличие от буржуазных стран у власти находится пролетариат, осуществляющий свою диктатуру в союзе с трудовым крестьянством, можно объяснить в основном двумя главными причинами: а) политической и экономической борьбой буржуазии с пролетариатом в защиту своих классовых интересов; б) существующим экономическим неравенством, толкающим неустойчивые элементы общества на совершение преступлений;

2) исходя из этого, при построении нового Угол. Код. должна быть поставлена цель возможно полной защиты пролетарского государства как от классовых врагов, так и от неустойчивых элементов общества, мешающих пролетариату в строительстве социализма. Средством к достижению этой цели должно являться

применение мер соц. защиты, начиная от мер культурного воздействия до физического уничтожения включительно. При чем та или иная мера социальной защиты должна определяться на основе революционного правосознания с учетом степени социальной опасности конкретного преступления и лица в данных социально-политических условиях. Понятие о «злой воле», «каре» или «возмездии» несомненно должно быть отброшено;

3) согласно установленной цели применения мер соц. защиты в новом Уголовном Кодексе должен быть поставлен и разрешен вопрос о последствиях и о форме применения того или иного вида меры социальной защиты, учитывая при этом как самих правонарушителей, так и окружающее их общество. На практике по этому вопросу мы имеем несколько положений, как-то: устрашение, общее и частное предупреждение, исправительно-трудовые воздействия и общественно-воспитательные мероприятия. Неоспоримо, что всякий судебный приговор имеет в большей или меньшей степени предупреждающее, устрашающее или общественно-воспитательное воздействие не только на обвиняемого, но и на окружающую среду, также неоспоримо то, что по отношению всех осужденных, за исключением лишь тех, кто подлежит физическому уничтожению, мера социальной защиты в стадии ее применения, хотя бы по отношению осужденных к лишению свободы, должна рассматриваться и применяться не как кара, а исключительно как мера воздействия, поощряющая лицо к исправлению приемами исправительно-трудовыми или культурно-воспитательными. Исходя из сказанного, следует, что как принципы общего и частного предупреждения,—устрашение, исправительно-трудовое воздействие и воздействие культурно-воспитательное—должны остаться в новом кодексе лишь тем указанием, что рассматривание того или иного из указанных принципов в смысле универсального или шаблонного применения недопустимо. Желаемый результат может быть достигнут не отыскиванием новых теоретических установок, а исключительно умелым применением мер соц. защиты как судами, так и другими применяющими меры соц. защиты органами.

V.

Техническое построение нового Уголовного Кодекса должно способствовать четкому проведению в жизнь существа революционной законности, устраняя предпосылки к формальному толкованию и применению закона.

1. Новый Уголовный Кодекс должен состоять из подробно разработанной одной руководящей общей части.

2. Применительно к переходному периоду, вообще, и к ближайшему отрезку времени, в частности (учитывая, что кодекс создается не на вечные времена), надлежит установить примерный перечень преступлений:

а) направленных непосредственно к подрыву диктатуры пролетариата и являющихся при всех социально-политических условиях исключительно соц.-опасными (преступ. государствен.);

б) имеющих социальную опасность при всякой социально-политической обстановке;

в) преступлений, имеющих относительную, в зависимости от социально-политических условий, социальную опасность.

3. Учитывая, что основным контингентом из всех осужденных являются лица, совершившие не особо социально-опасные деяния, применение принудработ посредством различных методов, с ограничением права передвижения или нет, с высылкой—сылкой или без таковой в особые колонии и т. д. должно быть признано основной мерой социальной защиты. Максимальный срок принуд. работ надлежит увеличить до трех лет. Со всей решительностью из нового кодекса должно быть изгнано понятие о лишении свободы, как об основной и единственной реальной мере соц. защиты по всем преступлениям, так как на практике это приводит к загромождению тюрем мелкими правонарушителями, тем самым устраняя возможности применения методов изоляции к серьезным преступникам.

4. Лишение свободы должно применяться лишь по отношению тех лиц, кои, учтя все условия, будут судом признаны особо социально-опасными. При чем приговор о необходимости изоляции должен быть в каждом конкретном случае особо мотивирован. Лишение свободы может быть определено не ниже двух- и не выше десятилетнего срока. Срок изоляции безусловно окончательно устанавливается судом при вынесении приговора.

От введения в практику неопределенных приговоров с некоторым обязательным минимальным сроком лишения свободы и предоставлением суду факультативного права продления этого срока подлежит со всей решительностью отказаться. Социальная опасность преступника бывает наиболее велика в момент совершения преступления (в бытность его среди общества) и может быть определена только при вынесении приговора. Определить же эту социальную опасность в плоскости ее нарастания в тюремной обстановке, где преступник изолирован от влияния внешней социальной среды, нужно признать невозможным, тем более, что исправительно-трудовые органы к этому подготовлены хуже, чем органы судебные, как в мысле условия работы, так и в смысле квалификации работников.

Помимо того, система неопределенных приговоров теряет всякий смысл в отношении более серьезных преступников, срок изоляции по отношению коих при вынесении приговора определяется, но их социальной опасности, не меньше десяти лет, учитывая, что дополнительное увеличение этого срока места иметь не может. Таким образом, неопределенность приговоров может быть отнесена лишь к лицам, совершившим преступление менее соц.-опасное.

По этим соображениям должен быть оставлен старый порядок постановления приговоров.

5. По отношению лиц в меньшей степени социально-опасных должны быть сохранены в новом кодексе меры социальной защиты в виде предупреждения, увольнения от должности, заглаживания вреда, условного осуждения и т. д.

6. По отношению лиц, деяния коих хотя и содержат формальные признаки преступления, но в данный момент по существу не являются соц.-опасными, подлежит практиковать вынесение оправдательных приговоров.

7. Физическое уничтожение (расстрел), как исключительная мера, должна применяться лишь по отношению к наиболее активным классовым врагам, а также и по отношению к лицам из класса трудящихся, если таковые своими действиями подрывают установленный рабоче-крестьянской властью правопорядок и если их исправление никакими исправительными действиями не будет признано возможным. Перечень по преступлениям, к которым может быть применен расстрел, должен быть особо установлен.

8. Условно-досрочное освобождение может быть применяемо не только к приговоренным к лишению свободы, но и к приговоренным к принудительным работам. Однако, применение досрочного освобождения должно быть поставлено в жесткие рамки, таковое может быть применяемо, как исключение, лишь в тех случаях, когда исправление осужденного очевидно (изменение общих условий, усвоение осужденным трудовых навыков и т. д.). Постановление о досрочном освобождении может вынести лишь суд.

9. В целях достижения реальности выполнения приговоров подлежит установить порядок контроля со стороны суда над выполнением вынесенных им приговоров.

10. В соответствии с изложенным должна быть построена единая общая часть Уголовного Кодекса.

Такое построение уголовно-судебной политики может обеспечить: а) выполнение судебным аппаратом задач, возложенных на него XV съездом партии и диктуемых экономическо-политическими условиями данного конкретного отрезка времени переходного периода; б) реальное и успешное проведение в жизнь директив правительства от 26/III 1928 г.

Г. Мэрен.

Оборона СССР и советская юстиция.

«Осуществление намеченных мероприятий по обороне СССР не может быть выполнено усилиями одного военного ведомства, почему съезд облизывает в проведении их принять самое активное участие все наркоматы, как общесоюзные, так и союзных республик»

Из постановления III Всесоюзного съезда советов «О Красной армии».

Наша армия вступает в двенадцатую годовщину своей работы. С порога этой юбилейной даты, в порядке большевистской самокритики, было бы полезно поставить ряд вопросов, связующих работу советской юстиции с задачами обороны СССР. Если задать вопрос о том, как обстоит у нас дело в области практического осуществления этой увязки, мы на этот вопрос не могли бы дать положительного ответа. Может быть, для некоторых т.т. даже самый заголовок нашей статьи покажется искусственно сочетающим отдельные области работы. Однако, нельзя думать теперь, когда каждый день сокращает исторические сроки «передышки», о том, что задачи обороны СССР и пути советской юстиции есть линии параллельные между собой. Нет! Эти линии во многих узлах работы есть линии совпадающие.

Если до развертывания осоавиахимовской работы многие думали, что задача обороны СССР есть задача только Красной армии, на сей предмет организован-

ной, когда многие свое внимание к нашей армии ограничивали одним днем ее годовщины, то за эти три года Осоавиахим, этот генеральный штаб общественной обороны СССР, выросший до 3 миллионов человек, укоренил в понимании советской общественности, что «дело обороны страны есть дело всех трудящихся».

К нашему сожалению, мы должны констатировать, что некоторая часть советских юристов, по старинке, продолжает очень мало внимания уделять нашей армии, все еще думая, что есть для обслуживания ее специальные органы юстиции—военно-судебные, которые и должны разрешить задачи обслуживания ее как в мирное, так и военное время.

Однако, рассуждающие так грешат против ближайшей действительности, так как обслуживание развернутой для боевых действий армии увеличит, примерно, в три раза нынешний состав военно-судебных работников за счет вливания в армию юрполитсостава долгосрочного отпуска и запаса, т.е. тех советских юристов, которые сейчас не работают в армии, а ушли из нее 4—5 лет тому назад.

Уже прошедшие призывы на сборы юрполитсостава (гражданских юристов) в истекшем году показали, что эти товарищи, чрезвычайно квалифицированные работники в своей гражданской работе, очень отдаленное понятие имеют о структуре нашей армии и военном законодательстве, регулирующем ее быт. Они знают эту армию, как армию либо эпохи военного коммунизма, либо в лучшем случае в первый период НЭП (период ее частичной демобилизации).

Красная армия стала, между тем, за эти годы иной. На общем росте социалистического строительства в нашей стране выросли и организационно изменились структура и функции армии. Изменились и законы, регулирующие ее работу и быт. Она стала армией регулярной, армией, ставшей объектом внимательного изучения западно-европейских буржуазных кругов.

1924 г. был годом реформы Красной армии, суть которой сводилась по линии организации ее и комплектования к перестройке на территориальных началах с периодическими сборами в каждом году переменного состава. За эти годы мы имели целый ряд важнейших законов, без понимания которых весьма трудно уяснить себе задачи армии. Так, по линии устройства службы мы имеем закон о несении обязательной воинской службы, закон о прохождении службы и закон о льготах военнослужащим и их семьям; по линии боевой учебы армии мы имеем целый ряд уставов, из которых уставы полевой службы и боевой подготовки являются основными нормами, регулирующими ее учебу и подготовку. В области быта мы имеем такие уставы, как устав внутренней службы, дисциплинарный устав. Наконец, курс на единоначалие в армии, как курс, повышающий ответственность начальников, соединяющий в лице командира-партийца функции боевой и политической подготовки части, есть также немаловажный шаг в деле армейского строительства.

Где же в работе советской юстиции лежат «узкие места»?

Прежде всего в отсутствии значительного внимания к подготовке и переподготовке юристов, предназначенных для работы в армии. Разве это нормальное положение, когда мы на ВЮК, как правило, не можем получить мест для переподготовки военно-судебных

работников, а если их и получаем, то это после самых канительных ходатайств.

Если мы возьмем вопросы подготовки юристов в наших вузах, то мы, просматривая программы подготовки, увидим, как они проходят мимо армии. Ни военному законодательству, ни военно-уголовному праву там не уделяется никакого внимания, и потому, когда к нам приходит молодой юрист работать в армию на военно-судебной работе, он бродит этак месяцев 6 как в «темном лесу».

Многие думают, что любой советский юрист, когда ему придется идти на работу в армию, без всякой подготовки будет годен к выполнению возложенных на него обязанностей. Но прошлые сборы юрполитсостава показали все беспомощное положение этих товарищей в армии. Один товарищ, проводя правовую пропаганду в войсках, отделялся преимущественно проведением антирелигиозных докладов, другой так объяснял закон об обязательной военной службе, что пришлось затем это с большим усилием выравнивать в последующей работе. Были случаи приема от красноармейцев таких жалоб, которые подлежат разрешению начальника и не входят в сферу деятельности прокуратуры. Вопросам подготовки и переподготовки гражданских юристов должно быть уделено самое серьезное внимание. Возьмем другую область нашего уголовного законодательства—в материальной и процессуальной его части. Заботимся ли мы теперь о выработке законов для военного времени; ставим ли мы сейчас, когда всеми признан назревший, вопрос упрощения УПК, непригодного для условий обслуживания населения в мирное время, его просмотр под углом зрения соответствия его военному времени? Не ставим и над этим не думаем, между тем как буржуазия, готовясь к войне, сейчас особенное внимание уделяет вопросам военного уголовного законодательства. Так, например, и Польша и Румыния в 28 г. заново переработали свои военно-уголовные законы применительно к военному времени.

Очень часто даже в вопросах текущего законодательства мы забываем о соответствии его армейским условиям. Если возьмем циркуляр НКЮ РСФСР № 5 от 14/I—29 г., где всем судам вменяется в обязанность присуждать к принудительным работам там, где статьей УК предусмотрено лишение свободы на срок до 1 года, мы видим, что за самые опасные в армии явления (пьянство красноармейцев, неявка на сборы) политика судов будет ослаблять борьбу с этими явлениями в армии. При кратком сроке пребывания в армии красноармейца (пехота 2 года) вообще нельзя говорить о длительных сроках лишения свободы, в то же самое время нельзя в силу малой эффективности переходить на принудительные работы¹⁾. Когда составлялся этот циркуляр, составители упустили из внимания армию и ряд постановлений Центрального военно-политического совещания, давших в политике предания суду противоположные циркуляру директивы.

В настоящее время в порядке Осоавиахимовской работы целый ряд научно-исследовательских секций Центрального Совета Осоавиахима вовлекли в работу по подготовке к обороне ряд научных организаций в той или иной области. Есть у нас и военно-правовая подсекция научно-исследовательской секции Ц. С. Осоавиахима, но она не может преодолеть консерватизма

в вопросах подготовки к обороне теоретиков и практиков советского права и ряда институтов по праву. Такое положение никуда не годится.

Вот почему мы не ставим эти вопросы работы перед нашей советской юстицией.

Нам нужно продвинуть дело подготовки к обороне, сомкнуть с этой задачей наши задачи и оживить деятельность осоавиахимовских организаций в органах советской юстиции. Красная армия, право же, заслуживает большего внимания, нежели то, которое ей до сего времени уделялось в юбилейные даты.

Сергей Орловский.

Что дал опыт территориальн. объединения городских участков нарсуда *).

(По материалам Оргинстра НКЮ).

Вопрос о территориальном объединении городских участков нарсуда имеет целую историю. Наиболее широко этот вопрос поставлен года два тому назад, и местами он кое-где нашел себе практическое осуществление (Вятка и др.). В 1928 году были попытки оформить территориальное объединение повсеместно, но Коллегия НКЮ согласилась лишь на проведение опыта в отдельных губерниях. Такой осторожный подход со стороны НКЮ, очевидно, объясняется тем, что целесообразность территориального объединения еще не доказана и вызывает некоторые сомнения.

В настоящее время опыт объединения участков проведен в нескольких округах Сибири и Урала, в Саратове, Владимире, Орле, Самаре, Курске и др. городах. Имеющийся опыт позволяет подвести итоги по всем спорным вопросам и раз навсегда покончить спор о целесообразности территориального объединения.

При постановке вопроса о территориальном объединении городских участков имелось в виду улучшить работу судебного аппарата на местах, при одновременной экономии средств. Инициаторы объединения предлагали сосредоточить в одном здании с губсудом (окрсудом) все обособленные и часто разбросанные по городу камеры нарсуда, объединив их в одну городскую камеру с общей канцелярией. Иначе говоря, поставлен вопрос о создании единого городского суда и об упразднении участковой подсудности. («Е. С. Ю.» № 6 за 1928 год). Однако, отдельные суды пошли дальше этого, разделив горсуд на уголовное и гражданское отделение (Орел, Ленинград, Вятка, Курск) и поставив во главе суда заведывающего (Сибкрайсуд).

По сообщению с мест, территориальное объединение дало положительные результаты: 1) увеличилась пропускная способность, что повлекло за собой сокращение остатка дел и сроков прохождения; 2) установлен непрерывный прием заявлений и жалоб непосредственно судьей и бесперебойная выдача справок населению; 3) установлена равномерная нагрузка отдельных судей и технических работников; 4) созданы условия, улучшающие и облегчающие руководство со стороны губсуда; 5) имеется в наличии экономия средств (правда, не везде), благодаря тому, что большинство горсудов

*) Помещая эту статью, Редакция считает, что вопрос о терр. объедин. участков нарсуда разрешен ею правильно, и заканчивает данной статьей дискуссию по этому вопросу.

¹⁾ Крайне спорный тезис. Ред.

помещается в одном здании с губсудом (экономия на помещении, связи, учете и т. п.).

Как видно, на местах после проделанной работы стало хорошо.

На ряду с этим, в процессе объединения в газетах был помещен ряд статей, критикующих не только неумелую работу по объединению нарсудов, но и всю систему территориального объединения.

Так, в отношении Саратовского объединенного нарсуда появилась статья под заглавием: «В чиняем иск суду за похищенное у нас время. Здесь в день теряют месяцы и в месяц — годы». И еще о Саратовском суде: «Назад — к районным судам».

В первой статье говорится, главным образом, о не порядке в суде после проведенной рационализации, которая «пока что дала гораздо больше судебному аппарату и значительно меньше посетителям суда».

В другой статье нарсудья Мышкин сообщает: «многие рабочие и служащие простаивают в очереди за справкой по целому дню, а иногда и больше, и не получают, что им нужно».

«Справки выдаются спешно, рабочему не дают свободно и спокойно поговорить с народным судьей. Большинство нарсудей видит рабочих и служащих только в официальном месте, судебном заседании и т. п.»

В «Нашей Газете» про Саратовский суд помещена по счету третья статья «Неудачный опыт рационализации суда». В статье указывается, что «аппарат после рационализации стал более бюрократичным и менее гибким». «Судьи не ведут и не в силах вести какой-либо общественной работы. Посетитель не может непосредственно поговорить с судьей, судья не знает, какие дела он должен рассматривать через день» и т. п.

По этому поводу Нижне-Волжский совет профсоюзников сообщает, «что положительных сторон в работе нарсуда, в смысле удобства для трудящихся, пока нет и остается желать еще много лучшего в том, чтобы сократить излишнюю трату времени посетителей, главным образом, трудящихся» и добавляет, что раньше справки получали без очереди, а теперь стоять в очереди.

Очевидно, это явление характерно не только для Саратова. Толчея и очереди имеются и в других судах, коль скоро в Вятке «по запросам посетителей введены особые карточки, на которые заносится вопрос посетителя и ответ секретаря ожидающему посетителю» и в Томске «в целях устранения толкотни установить жетоны с номерами очереди». Это напоминает былое время, когда на спине стоящих в очереди у магазинов писали мелом порядковый номер.

Таким образом, общественное мнение совершенно иначе чем судработники расценивает результаты опыта территориального объединения. Объединение породило волокиту и изолировало судью от посетителей, таков первый вывод.

Но главная беда заключается в том, что с организацией единого горсуда суд в целом отдалится от населения.

При большой территории городов (например, Самара, Саратов, Сталинград и др.) свести в одно место десяток нарсудов, — это значит заставить население

окараи каждодневно пагать по несколько верст. Выходит, что не суд для населения, а население для суда. Это вот и не было учтено при проведении опыта, благодаря чего экономия стала чисто ведомственной.

Очевидно, по этим соображениям руководящие организации гор. Омска возражали против сосредоточения 4 участков в одном месте.

Сибирский крайсуд вопрос о территориальном приближении суда к населению разрешил таким путем: «для максимального ослабления неудобств для рабочего населения, вытекающих из отдаленности гор. нарсуда, нет надобности отказываться от самой системы. Необходимо провести в жизнь систему дежурств нарсудей в вечерние часы по рабочим клубам, предприятиям и т. п., а также установить выезды на места для заслушивания дел». Но в таком случае ведомственная «экономия» идет за счет дополнительной нагрузки судьи. Это уже рационализация дыбом, и она равноценна экономии «на всех судей выписывается одна газета и один комплект «Собрания Законов» или «все судьи сведены в одну комнату, а раньше каждый занимал отдельную комнату» (из материалов мест).

Беда еще в том, что с территориальным объединением нарсудья совершенно отрывается от территории участка, он растворяется в общей массе судей и теряет свое лицо, как политический работник и общественник, он, наконец, уходит из-под общественного контроля. И правильно одна из газет замечает: «Судья становится не авторитетным представителем власти и ответственным руководителем суда, а исполнительным чиновником, работающим по поручению». Поручение это заключается в том, что заведывающий горнарсудом каждый день отваливает судье определенную порцию дел с учетом его квалификации. (А так как о соответствии порции квалификации судьи можно судить не по весу и объему дел, а по их содержанию, очевидно заведомо должен хотя бы бегло просмотреть дела. Вряд ли тут есть зачатки рационализации). Тут уже судья превращается в ремесленника. Если же судья обслуживает определенную территорию, то он даже помимо своей воли знакомится с жизнью отдельных предприятий, знает особенности своего участка, бытовые условия населения и т. п. и с учетом этого строит свою работу и проводит определенную политику по делам. Но не только судья знает, знают и его как политического работника, как судью, как общественника. Работа судьи проходит под наблюдением населения и за промахи ругают не «вообще» суд, а судью.

Не лишне сказать, что в отношении судебного строительства гор. Москва пережила три периода:

Первый период относится к участковой подсудности, когда камеры суда были расположены на территории своего участка; второй — когда существовали объединенные районные суды (10—15 участков в одном месте) с подразделением на уголовное и гражданское отделение. Вот такой опыт проводится сейчас по другим губерниям. В этот период в Москве в одном и том же райсуде можно было судиться два раза в день за самогонку и получить два условных приговора. И третий период (с 1923—1924 г.), который необходимо рекомендовать и другим судам, — назад к участковой подсудности. Сейчас забота Московского губсуда заключается в том, чтобы вывести участки на территорию обслуживания и это при тех средствах связи, которые имеются в Москве.

В заключение следует отметить, что увеличение пропускной способности, сокращение остатка дел и сроков прохождения не является особенностью и результатом территориального объединения, на что так упорно указывают. Первое полугодие 1928 г. дало улучшение в работе суда по всей РСФСР и относится это за счет объединения не приходится. Так, например, мы видим, что в срок до 1 месяца в 1928 году по всем губерниям было рассмотрено 50% дел, а в 1928 г.—73% и по областям вместо 48%—66%.

Из всего материала можно сделать такие выводы: 1) в крупных промышленных городах, при большой территории, не следует объединять городские участки нарсуда, так как это не в интересах населения, и 2) объединение можно провести лишь в городах с небольшим количеством населения и с малой территорией обслуживания (в уездах и в отдельных округах), где с объединением участков не будет создано неудобство для населения, но и в этих случаях участковая подсудность должна быть сохранена.

Г. Уваров.

Упрощение или нарушение?

(Вопросы судебной практики).

Проблема упрощения уголовного процесса, в течение многих месяцев стоящая в центре внимания НКЮ и других советских и партийных органов, в судебной практике получает не всегда правильное преломление.

В юридической печати уже указывалось на то, что в стремлении упростить процесс нельзя посягать на принципиальные положения, принятые в советском процессе и обеспечивающие правильное разрешение дела.

В практике судебных учреждений гор. Самары нам пришлось встретиться с таким положением, что народные суды заслушивают целый ряд уголовных дел (а иногда к ним присоединяются и гражданские дела) и одновременно имеют по ним совещание и выносят приговоры.

Такой порядок, можно смело сказать, завоевал права гражданства.

Совершенно понятно, что установлению указанного порядка способствовало весьма похвальное стремление ускорить рассмотрение дел, изжить волокиту и тем самым приблизить момент рассмотрения дела к моменту совершения преступления.

Однако, может ли такое упрощение процесса найти себе оправдание и возможно ли вообще видеть здесь упрощение?

Ст. 258 УПК предписывает по каждому делу проводить судебное заседание непрерывно и запрещает рассмотрение других дел ранее окончания слушанием начатого дела. Как-будто вопрос совершенно ясен. Практика судебных органов в прошлом вследствие недостаточного выяснения смысла и значения ст. 258 УПК знала нарушения требований этой статьи, и контролирующим органам не малого труда стоило искоренить эту практику.

В комментариях к УПК Карницкого и Строговича по этому поводу имеется вполне определенное замечание: «совершенно недопустимым нарушением ст. 258 будет рассмотрение нескольких дел одного за другим и затем уже постановка по ним приговора»¹⁾.

Ст. 258 УПК устанавливает принцип непрерывности процесса, который является необходимым условием, гарантией полного и правильного рассмотрения дела. Этот принцип непрерывности советским уголовным процессом относится к числу основных принципов. Значение этого принципа ярко определено в работе т. Вышинского «Уголовный процесс СССР».

«С другой стороны, в течение судебного разбирательства суд не должен впечатления от рассмотрения одного дела ослаблять или затемнять впечатлением от других дел, которые он мог бы рассмотреть в перерывах от рассмотрения первого дела». И дальше: «Начала непосредственности, устности, непрерывности и публичности являются поэтому основными принципами (началами) судопроизводства»²⁾.

Проект нового уголовного процесса в ст. 109 также повторяет требование ст. 258 УПК. Даже гражданский процесс, если и разрешает отложить вынесение решения (ст. 177 ГПК), то все-таки ставит этому определенные условия ввиду сложности дела.

Таким образом, ст. 258 УПК требует от судебных работников более внимательного к ней отношения и совершенно исключает возможность каких-бы то ни было операций над ней.

В действительности, оправдывается ли нарушение ст. 258 УПК и достигается ли через нарушение ее ускорение в продвижении дела?

На первый взгляд кажется, что одновременное рассмотрение ряда дел до приговора дает экономию во времени: освобождаются стороны и свидетели, и камера суда быстро пустеет от осаждающих ее посетителей.

Подкупает то обстоятельство, что освобождаются свидетели, но сразу же выступает такое положение, что стороны (потерпевшие, обвиняемые, гражданские истцы) должны все и по всем делам оставаться до конца дня, во всяком случае, до момента, когда вынесены будут все приговоры. Одно компенсируется другим, но желаемые результаты весьма сомнительны.

В тех же случаях, когда заседание суда затягивается до вечера, обычно стороны и заинтересованные лица принуждены еще раз посетить суд и вместо меньшего дерганья и отрыва ряда лиц от своей работы получается больший.

С другой стороны, что более серьезно, при таком положении дела до крайности затрудняется работа народных заседателей. Никто из судебных работников не станет отрицать того, что внимание народных заседателей при рассмотрении нескольких дел одновременно рассеивается, запомнить детали каждого дела становится труднее, обстоятельства одного дела смешиваются с обстоятельствами другого, а некоторые даже и позабудутся. Народный заседатель будет чувствовать себя неуверенно, и конечно, той помощи от него в рассмотрении дела, которую законодатель имеет в виду, народный суд не получит. Вместо активного участия в рассмотрении дела, народный заседатель будет надеяться на судью, как более опытного в рассмотрении дел.

Инициатива народного заседателя, его непосредственность, вносящая живую струю в судебную работу, совершенно парализуются.

Могут возразить, что необходимые для судей сведения по делу имеются в протоколе судебного заседа-

¹⁾ См. комментарий изд. 1926 г. стр. 276.

²⁾ Вышинский, «Угол. процесс СССР», стр. 40.

ния и в совещательной комнате могут быть воспроизведены в памяти.

Возможное на словах положение разбивается о неполноту и другие недостатки протоколов в действительности.

Но быть-может рассмотрение ряда дел с одновременным вынесением приговора оправдывается незначительностью рассматриваемых дел?

Однако, и это соображение не дает права на нарушение принципиальных положений судопроизводства, поскольку эта категория дел неизъята еще полностью из ведения судебных органов.

Тогда уместно ставить вопрос о скорейшей передаче дел несложных в примирительные комиссии, но до поры до времени не допускать недозволительных отступлений.

Справедливость требует сказать, что общей участи подвергаются не только дела частного обвинения, но и дела о растратах, о хулиганстве и проч.

Опасность установившейся, очевидно, практики судебных участков гор. Самары еще и в том, что подобный пример может стать заразительным и захватить периферию и тем более, что соблазн идет из областного центра.

Подводя итоги, следует отметить, что несмотря на полуторагодовую давность вопроса об упрощении уголовного процесса, несмотря на многочисленные статьи по этому вопросу в юридической печати, упрощение процесса понижается произвольно, и под предлогом упрощения судебная практика принимает положения, составляющие весьма серьезные нарушения прав сторон и подвергающие сомнению правильность вынесенного приговора.

Вполне возможно предположить, что рассматриваемый частный случай является далеко не единственным.

Желание устранить из процесса излишние формальности, не приносящие никакой пользы при рассмотрении дела, могло сказаться и на других существенных моментах процесса, где произвольное их понимание и толкование недопустимы.

Пока Уголовно-Процессуальный Кодекс в новой редакции, освобожденный от недостатков прошлого, еще не разрешил сомнений судебных работников о том, что должно и что излишне, пока введение в действие его задерживается еще на продолжительный период, судебная практика должна пересмотреть допускаемые уже его упрощения и проверить их с точки зрения соответствия основам уголовного процесса.

Инициатива, конечно, должна быть предоставлена судебной практике в вопросе упрощения процесса, но изгоняя из процесса излишний формализм, освобождая его от несвойственных советскому судебному праву положений, так или иначе в нем сохранившихся, не должно быть места нарушениям основ, обеспечивающих государству правильность борьбы с преступностью.

К. Палкин.

Как разрешались „нарывные“ дела в Смоленском губсуде.

В конце ноября 1928 года пленум Смоленского губсуда подводил предварительные итоги рассмотрения в уголовно-судебном отделении дел, возникших на почве тех безобразных явлений, которые были вскрыты

весной этого года в Смоленской губернии и которые получили название смоленского «нарыва».

В настоящей статье мы хотим осветить вопрос, во-первых, о характере преступлений по «нарывным» делам, причинах их возникновения и, во-вторых, о том, насколько губернский суд справился с задачей быстрого и правильного разрешения этих дел.

Основное, что резко бросается в глаза в отношении указанной категории дел, это значительное преобладание числа осужденных за должностные преступления; так, из общего числа осужденных за время с мая по октябрь 1928 года по «нарывным» делам—118 человек, на 109, 116, 113 и 117 ст.ст. УК падает 91 человек; из числа должностных преступлений наибольшее количество осужденных (44 чел.) дает 109 ст. УК. Во многих случаях преступления должностные соединялись с другими преступлениями, например, предусмотренными, 154 ст. УК (в отношении 10 осужденных). Среди «нарывных» дел имеются и дела об экономической и политической контр-революции (8 осужденных). На другие преступления падает по незначительному количеству осужденных.

По социальному положению наибольшее число осужденных падает на служащих (38 чел.), крестьян (23), рабочих (33), довольно значительное количество осужденных падает на явно-враждебный советской власти элемент: бывш. помещики, торговцы и проч. (14 чел.); вообще надо заметить, что советский аппарат в Смоленской губернии, как это установила РКИ, был засорен в значительной мере враждебным, чуждым элементом.

Среди общего числа осужденных мы имеем членов и кандидатов ВКП (б) 50 человек и беспартийных—68 человек.

Предварительные материалы и результаты судебного разбирательства «нарывных» дел дают возможность установить следующие причины, породившие преступления по этим делам:

1) Слабая воспитательная работа при общей политической и культурной отсталости населения в том числе и работников советских учреждений, общественных организаций и т. д.

2) Отсутствие у работников советского аппарата сознания ответственности за свои проступки и преступления, что является результатом не только слабого руководства, но и замазывания преступлений, «семейного» разрешения их.

3) Зажим, исходивший от верхушек губернии и распространившийся до самых низов и как результат этого—отсутствие критики и самокритики.

4) Слабая работа органов суда, следствия и прокуратуры по выявлению и своевременному пресечению преступлений.

Отмеченные выше обстоятельства, установленные при судебном разбирательстве дел, еще лишний раз подтверждают всю нелепость, вздорность разговоров о том, что так называемый смоленский «нарыв» есть выдумка, что никакого разложения, зажима в действительности не было и т. д. и т. п.

Характер «нарывных» дел требовал срочного их расследования и разрешения. Как же справились с этой задачей судебно-следственные органы? На этот вопрос дают ответ следующие данные.

Минимальный срок нахождения дел в губсуде—10 дням, максимальный—40 дням; в среднем для дел, рассмотренных в Смоленске срок, с момента поступления

дела до вынесения приговора—24 дням, для выездных сессий—31 дню.

Если учесть сложность и громоздкость некоторых дел, потребовавших для своего разрешения 5—6 дней (среднее количество дней, ушедших на рассмотрение каждого дела—2,5), и отложение нескольких дел, надо признать, что губернский суд у себя не допускал задержки дел и справился с задачей быстрого их разрешения.

Немного иначе дело обстоит с сроками предварительного расследования по указанным делам; в среднем срок этот равен почти 3 месяцам (87 дней).

Другим недостатком предварительного следствия является неосновательное привлечение к уголовной ответственности и, как результат, отсюда—17,5% оправданных и 5,1%—прекращения дел, а также обращение ряда дел к дополнительному расследованию (9%). В отношении многих дел была отмечена загроможденность ненужными материалами, допрос и вызов лишних свидетелей; так, 50% свидетелей освобождалось от допроса в судебных заседаниях в порядке 394 ст. УПК.

Карательная линия губсуда по «нарывным» делам характеризуется следующими данными: основная мера социальной защиты: до 1 года лишения свободы—29, от 1 г. до 3 л.—44, от 3 л. до 5 л.—19, от 5 л. до 10 л.—15, к расстрелу—3, к условному лишению свободы—6, к принуд. работам—3. Дополнительная мера социальной защиты: поражение во всех правах гражд.—18, частичное поражение прав—17.

Из этих цифр видно, что губсуд в общем проводил твердую карательную линию по этим делам, правильность этой линии подтверждают результаты рассмотрения ряда дел в УКК Верхсуда (из 15 приговоров, по 3 УКК допустила незначительное снижение мер соц. защиты); из 15 приговоров, рассмотренных в УКК к 1 декабря с. г., отменен полностью 1 приговор и в части—1 приговор.

По этим, хотя и неполным еще данным, можно судить о качестве рассмотрения дел в Смоленском Губсуде.

Среди «нарывных» дел было много серьезных, имевших большое общественно-политическое значение (дело мастеров «Катушки», дело Запгосторга, комхоза, губрозыска и др.); эти дела ставились показательными процессами в рабочих клубах; на процессах присутствовало много рабочих, с неослабным вниманием следивших за ходом дела; надо заметить, что приговоры по этим делам одобрительно встречались трудящимися, местная печатная газета «Рабочий Путь» на своих страницах уделяла достаточно внимания освещению процессов; все это свидетельствует о проделанной судебными органами большой общественно-политической работе в связи с ликвидацией смоленского «нарыва».

Совершенно понятно, что дела «нарывные» еще не прошли, многие находятся в стадии следствия, многие еще не выявлены.

Член губсуда Генкин.

Смоленск.

Кулацкие вылазки в деревне.

Происходящая в деревне классовая борьба зачастую приводит кулачество не только в прямое столкновение с беднотой, но иногда и в скрытое, замаскированное, что называется «из-за-угла». Требуется большое политическое чутье, чтобы понять и разоблачить другой раз такую замаскированную кулацкую вылазку.

На фоне этой классовой борьбы и в связи с происходящей перевыборной кампанией советов замечается проявление сильной активности среди кулачества. Политическая изолированность кулака возбуждает в нем большее стремление к восстановлению избирательных прав. По этому поводу интересны цифры по Б. Песошнинскому ВИК'у Городецкого уезда. В течение последних месяцев в ВИК поступило 40 заявлений о восстановлении избирательных прав, при чем они подразделяются на следующие группы: быв. и настоящих крупных торговцев—14, кулаков и владельцев предприятий—23, быв. собственников—1, служителей культов—1, иждивенцы лишенцев—1.

Наибольший % отказа в восстановлении избирательных прав получили торговцы (93%) и меньше кулаки и владельцы предприятий (кустари), которые получили отказ лишь в 52%. Здесь хотя и есть кустари-трудовики, но, однако, % удовлетворения (48) заслуживает серьезного внимания и чрезвычайной осторожности местных органов в удовлетворении таких ходатайств.

Не менее интересен вопрос о том, как кулачье стремится замаскировать свою физиономию под кооперативной вывеской. В д. Ложкино Городецкого уезда недавно образовалась промысловая кооперативная артель из 5 человек по переработке зерна и льносемян на масло и жмыхи под скромным названием «Пробужденные кустаря». Задача этой артели была объединить их предприятия под одним руководством, или, иными словами, «кулацкий промкомбинат». В эту артель вошли: мельник, солод. заводчик, маслособойщик и двое без предприятий, из коих один даже служащий на торфоразработках, а другой зажиточный крестьянин. Политическая физиономия такой организации без комментария ясна, а экономическая заключается в том, чтобы пользоваться налоговыми льготами и неограниченной возможностью по переработке продуктов с собственной заготовкой их. Разумеется, было бы грубой ошибкой, если бы ВИК дал санкцию на организацию такого «комбината».

Особенное политическое выражение кулацких происков проявляется в земельных вопросах. Кулаки иногда ратуют не против колхоза, а за колхоз, но с оговорочкой: «бедняков в колхоз нам не надо». Такая картина была в д. Мякишеве Городецкого уезда, где пытались организовать 10 хозяйств, из коих 5 домохозяев лишены избират. прав, а остальные тоже близко к ним стоящие. Характерные случаи наблюдаются и с незаконными сделками на землю. Если аренда земли и допускается законом, то во всяком случае как исключительная мера, и притом сама по себе аренда мыслима лишь тогда, когда лицо, сдающее землю в аренду, получает какую-либо хозяйственную выгоду в виде арендной платы. Однако, в Б. Песошнинской вол. Городецкого уезда существует и «бесплатная» аренда. Обследованием прокуратуры выявлено несколько случаев сдачи земли в аренду на 6 лет бесплатно, лишь с удобрением земли и уплатой сельхозналога. Такая «аренда» есть не что иное, как скрытая сделка на передачу земли, однако, местные органы не всегда так оценивают эти сделки, допуская регистрацию таковых, как в данном случае поступил Б. Песошнинский ВИК.

Аналогичного свойства имеются случаи и по обмену землей. Кумохинский сельсовет Городецкого уезда утвердил сделку на обмен земли между Цветковым и Макаровым. По обмену земли Макарову переходит

2½ души, а Цветкову 1½ души. Сельсовет не потрудился узнать, чем именно этот обмен вызван, почему площадь обмениваемой земли не равномерна, давало ли на этот обмен согласно земельное общество. По существу же этот обмен не что иное, как замаскированная типичная сделка купли-продажи земли.

Кулацкие шупальцы проникают во все щели советского здания, когда они сразу не отсекаются. Наши учебные заведения предназначены для трудящейся рабоче-крестьянской молодежи, а кулацким сынкам доступ затруднен, однако, изворотливость кулака находит и здесь наши иногда слабые места. Ярким примером этому служит история семейно-имущественного раздела хозяйства кулака-предпринимателя из с. Еремипа Городецкого уезда Ефима Яковлевича Комлева. У Комлева имеется сынок Федор Ефимович, каким-то чудом пробравшийся кандидатом в члены Партии. Так для того, чтобы сынок получил высшее образование и поступил в ВУЗ беспрепятственно, необходимо было произвести с ним «семейно-имущественный раздел». Иначе «номер» не пройдет, так как папаша имеет валяно-сапожное производство с наемными рабочими и лишен избирательных прав. По разделу все имущество остается у отца, а сыну «Федору выделить только 25 п. хлеба и 10 п. овса и проживать по летам в задней избе на готовом отоплении и освещении». Федя Комлев, разумеется, устроился в ВУЗ и теперь «грызет гранит науки» (не за государственный ли счет?). Ереминский сельсовет и Б. Песочинский ВИК в свое время признали этот раздел «целесообразным» и утвердили. Только уже через 2 года ВИК спохватился и 23/X—1928 г. признал этот раздельный акт «фиктивным», т. е. фактически никакого раздела имущества не было.

Все это вместе взятое сигнализирует величайшую изворотливость кулака и умение его использовать все возможности, в особенности в слабых местах. Вывод из этого надо сделать тот, что все наши партийные, советские и обществен. организации в деревне сосредоточили бы усиленное внимание на этом важнейшем участке нашей работы, объединили бы все пролетарские и полупролетарские слои деревни (бедноту и батрачество) и прямым ленинским путем в тесном союзе с середняком повели бы сильное наступление на кулацкую изворотливость.

Пом. Нижегородского губ. прокурора М. Курманин.

Практика применения закона о сельхозналоге и необходимые в нем изменения.

Единый сельско-хозяйственный налог, сменивший продналог и натурналоги первых лет новой экономической линии, имеет громадное политическое и народно-хозяйственное значение. В нем находят отражение основные линии политики власти в деревне и ее отношение к основным классовым подразделениям крестьянского населения. Текущие экономические и социальные задачи получают свое выражение в законодательстве о сельхозналоге, поскольку последний распространяется на огромное большинство населения Союза и на отрасль хозяйства, которая еще в течение ряда лет должна явиться основой нашей экономики.

Вот почему, независимо от признанной вообще целесообразности стабилизации законодательства, закон

о сельхозналоге периодически пересматривается. При этом пересмотре устраняются и обнаруженные при применении закона его дефекты.

В 1928 г., так как в силу провозглашенного XV съездом наступления на кулака признано было необходимым особенно усилить обложение деревенской верхушки, стабилизировать либо несколько увеличить обложение середняцкого крестьянства и вовсе освободить от обложения маломощные и бедняцкие хозяйства в количестве 35% всего числа крестьянских хозяйств, согласно директивам юбилейной сессии ЦИК СССР («С. З.» 1927 г. № 61, ст. 613). Необходимы были и косвенные другие поправки к порядку взимания сельхозналога, например, в отношении обложения полеводства, в отношении наложения штрафов за сокрытие объектов обложения и т. д.

По действующему закону ряд моментов, определяющих весьма важные стороны обложения (напр., твердые нормы доходности отдельных отраслей крестьянского хозяйства) устанавливаются постановлениями исполкомов краевых, областных, губернских и окружных. Эти постановления были изданы значительно позже в июне и даже в июле. В результате такого запоздалого издания и опубликования постановлений по проведению сельско-хозяйственного налога почти вовсе не была проведена подготовительно-разъяснительная кампания. Между тем, многие стороны нового закона требовали такой предварительной подготовки. В результате неизбежность перегибов, неясностей, недоразумений при проведении кампании по сбору сельхозналога, не говоря уже о прямых извращениях его, явившихся отчасти результатами применения чрезмерных мер в только что закончившуюся хлебозаготовительную кампанию.

Основными методами, которыми законодательство предполагало достигнуть осуществления директивы о перенесении центра тяжести обложения на деревенскую верхушку и на зажиточное крестьянство, явились вновь установленный порядок индивидуального определения доходности и система надбавок к исчисленному облагаемому доходу. Согласно ст. 28 положения 21 апреля, сумма облагаемого дохода единоличных хозяйств, особо выделяющихся из общей крестьянской массы данной местности своей доходностью и притом нетрудовым характером своих доходов, определяется не по нормам, а на основании имеющихся у налоговых комиссий общих сведений о всех источниках доходов и в соответствии с действительной доходностью. Правила НКФ СССР от 28 апреля о порядке исчисления облагаемого дохода отдельных хозяйств в индивидуальном порядке (Оф. изд., стр. 145) определяют те признаки, при наличии которых возможно такое обложение. Признаками, определяющими нетрудовой характер хозяйств и наличие доходов, не поддающихся полному учету в общем порядке, признаны скупка и продажа, ростовщичество, наличие сложных сельско-хозяйственных машин с целью извлечения прибыли от сдачи их внаем, ведение сельского хозяйства с систематическим привлечением наемных рабочих, наличие подсобных предприятий промышленного типа (например, мельницы и маслобойки подтоварного типа) и т. д. Перечень дан, конечно, не исчерпывающий, а примерный, местные исполкомы имели право установить те признаки, которые по местным условиям дают основание для привлечения к обложению в особом, т. е. индивидуальном порядке. Но при этом должны были быть соблюдены

основные условия: нетрудовой характер дохода, большие его размеры и трудность его учета в общем порядке. Один из краевых исполкомов дал исчерпывающий перечень. К хозяйствам, облагаемым в индивидуальном порядке, отнесены: 1) хозяйства, постоянно пользующиеся наемным трудом; 2) хозяйства, пользующиеся одновременно трудом двух батраков в течение сезона (от начала до конца полевых работ), 3) хозяйства, пользующиеся доходами от работы в чужом хозяйстве за денежную или натуральную плату принадлежащих им молотилок, тракторов и др. сложных сельскохозяйственных машин, 4) хозяйства, получающие доход от промышленных и полупромышленных предприятий (мельниц, маслобоек, кожевенных заведений и т. п.), независимо от того, привлекается ли полученный от них доход к обложению сельхозналогом или промысловым налогом, 5) хозяйства, сдающие внаем помещения с доходом в год не менее 300 рублей, 6) хозяйства, имеющие доход от торговли, скупки и занятия кредитными операциями (в частности, на ростовщических условиях), независимо от формы кредитно-денежной или натуральной, 7) хозяйства, которые при наличии своего трудового надела арендуют значительное количество земли с применением наемной силы, 8) хозяйства, обладающие значительно развитыми источниками с.-х. дохода, не привлекаемыми к обложению с.-х. налогом (сильно развитое птицеводство и т. д.), и 9) хозяйства, имеющие значительное количество крупного и рабочего скота в необлагаемом возрасте. Приведенный перечень допустил расширительное понятие хозяйства, извлекающего нетрудовые доходы и особо выделяющегося из общей крестьянской массы. В некоторых случаях, несомненно, перечень направлен против основной мысли законодательства, имеющего в виду предоставить определенные льготы сельскому хозяйству с целью поощрения различных его отраслей. Таков, например, признак значительного количества скота в необлагаемом возрасте. Поскольку законом установлен предельный возраст, ниже которого скот не должен облагаться, привлечение к обложению в индивидуальном порядке хозяйств, имеющих такой скот, является по существу извращением одного из основных положений законодательства о сельскохозяйственном налоге. Часто повторяемое выражение «значительное» по существу ничего не дает, так как понятие значительности с точки зрения различных сельхозов может быть различным. Впрочем, уже правила Наркомфина содержали некоторые отступления от законодательства, предоставляющего льготы для определенных отраслей сельского хозяйства. Пункт 6 правил разрешает при определении размера облагаемого дохода принимать во внимание также доходы, не привлекаемые вовсе к обложению сельхозналогом (напр., птицеводство, шелководство). В результате, мы имеем случаи привлечения к обложению и притом в индивидуальном порядке площадей посевов клеверины, т.-е. лекарственной культуры, разведение которой поощряется нашим хозяйственным законодательством и которая прямо освобождена от обложения ст. 45 положения.

Инструкция НКФ определяла твердое задание для обложения в индивидуальном порядке наиболее мощных хозяйств. Общее количество последних не должно было превысить 3% всего количества хозяйства каждой союзной республики. Примерный процент хозяйств, облагаемых в этом порядке по отдельным краям, губерниям и округам, устанавливается НКФ союзных рес-

публик, при чем число этих хозяйств в силу экономических особенностей отдельных районов может колебаться в пределах от одного до пяти процентов. Уже самая возможность определения числа хозяйств в повышенном 5% размере являлась почвой для широкого применения ст. 28, имеющей по существу исключительный характер. Районные исполкомы развешивали приходящееся на район количество хозяйств по отдельным селениям, давая им часто уже не примерное, а твердое задание. Так, в одном из округов районный финансовый отдел предложил одному сельсовету обложить во что бы то ни стало 100 хозяйств. Сельсовет от себя решил прибавить еще 9 хозяйств, что составило уже 7% всего количества хозяйств. При последующем пересмотре обложения в данном селении оказалось необходимым освободить вовсе от обложения в индивидуальном порядке 102 хозяйства, снизить размер обложения для 6 хозяйств и оставить в силе первоначально исчисленное обложение для одного хозяйства. Такие примеры являются далеко не единичными, так как по общему правилу, благодаря отсутствию подготовки на местах, меньше всего считались с определенными данными о хозяйствах. Судили больше всего по внешним признакам. Завело ли хозяйство у себя граммофон, имеет оно зеркало, тратит ли на иные потребности значительные, по мнению сельсовета, суммы—все это давало основание для обложения в индивидуальном порядке. Во всех этих случаях самый размер дохода определялся не на основании каких-либо твердых данных, а по усмотрению сельсовета, либо учетной комиссии. Практика мест в этом отношении пошла значительно дальше даже расширительного толкования инструкции НКФ, допущенного краевыми и губернскими исполкомами. Наличие племенного скота в хозяйстве, нескольких ульев и даже пчеловодческих заработков, облагаемых по закону в льготном порядке, давало основание для причисления к «индивидуалам» и соответствующих выводов в отношении обложения. Не удивительно, что в результате пересмотра обложения значительное количество переобложенных таким образом хозяйств освободилось от такого порядка обложения. По данным НКФ СССР, всего обложено не более 1½% хозяйств. Между тем, имеющиеся данные о количестве эксплуататорских хозяйств в деревне приводят к выводу, что первоначально определенная цифра—3% всего количества хозяйств—являются далеко не преувеличенной для обложения деревенской верхушки, необходима только определенная подготовка—выяснение мощностей отдельных хозяйств, всей совокупности их доходов и т. д. Само обложение в индивидуальном порядке, как таковое, должно быть сохранено.

Статья 27 положения о сельскохозяйственном налоге 21 апреля имела в виду усилить некоторым образом обложение наиболее зажиточного середнячества. Она была формулирована таким образом, что в целях приближения облагаемого единым сельскохозяйственным налогом дохода к действительной доходности сельского хозяйства, устанавливаются для единоличных хозяйств в зависимости от общей суммы их облагаемого дохода от всех источников процентные надбавки к исчисленному по нормам доходу их от сельского хозяйства (т.-е., от полеводства, луговодства, скотоводства и специальных отраслей). Так как надбавки могут быть начисляемы лишь при достижении определенного предельного размера доходности хозяйств, то для РСФСР этот минимальный предел был определен в

400 рублей. Постановление СНК РСФСР от 19 мая установило различные минимальные размеры надбавок отдельных административно-территориальных единиц. Для большинства губерний и областей оставлен был предельный минимум в 400 рублей, для других он был несколько повышен. Самые размеры надбавок составляли от 5 до 25% общей доходности хозяйств. Следует сказать, что прогрессия в общем соответствует различной мощности хозяйств, но только в пределах облагаемого дохода до 1.000, 1.100, 1.200, 1.300 и 1.500 рублей, в зависимости от того, к какому классу отнесена данная местность. Но уже для хозяйств, имеющих хотя бы в пределах той же Вологодской или Костромской губернии облагаемый доход свыше 1.000 рублей, прогрессия не возрастала, и если данное хозяйство не привлекалось к обложению в индивидуальном порядке, излишек его дохода свыше 1.000 рублей, таким образом, особо не улавливался. В то же время закон установил льготу для многодочных хозяйств и для хозяйств, не имеющих собственной тягловой силы. В отношении первых установлено, что надбавки не применяются в случае непревышения дохода на одного едока 50 рублей, а в отношении вторых—должно применяться правило, что от надбавок освобождалось хозяйство с общей суммой облагаемого дохода не свыше 800 рублей.

Уже самый порядок особого исчисления надбавок должен был породить ряд недоразумений, благодаря затруднительности для многих работников ориентироваться в их исчислении. Практика показала, что надбавки определялись часто не в соответствии с установленной законом таблицей и что и в данном отношении допускались ошибки, вольные и невольные. Последних, однако, было значительно меньше, чем в отношении обложения в индивидуальном порядке, потому что статья 27 дает значительно больше определенных признаков, чем ст. 28 положения.

Особый порядок установлен законодательством о сельско-хозяйственном налоге для привлечения к обложению доходов, получаемых хозяйством от неземледельческих заработков отдельных членов хозяйств. Льготные правила установлены для исчисления дохода от заработной платы. Учитывается зарплата, фактически полученная работниками, входящими в состав хозяйств за время с 1 мая предшествующего окладному года до 1 мая окладного года. В состав облагаемого дохода включается 15% заработной платы, полученной работниками, постоянно проживающими в своем сельском хозяйстве; 10% заработной платы, полученной работниками, постоянно проживающими вне своего сельского хозяйства, и 10% заработков, полученных на отхожих промыслах за работу по найму. Что касается дохода от кустарных, ремесленных и прочих неземледельческих заработков, то он определяется для каждого отдельного хозяйства налоговыми комиссиями с обязательным исключением расходов на сырье, топливо, полуфабрикаты и оплату наемной рабочей силы. В отношении эксплуататорских хозяйств закон постановил учитывать весь доход от сдачи внаем сложных сельско-хозяйственных машин и орудий, от промышленных и полупромышленных предприятий и вообще от других видов заработков нетрудового характера. Что же касается других кустарных, ремесленных и проч. неземледельческих заработков, то их доход включается в общий облагаемый доход сельского хозяйства в твердых процентах, размер которых в зависимости от вида промыслов и наличия наемных рабочих не может

быть ниже 35%. К кустарным и ремесленным заработкам приравнены в отношении обложения также заработки на отхожих промыслах не по найму. При таком ясном и недвусмысленном определении самим законом способе учета доходов от неземледельческих заработков в составе облагаемого дохода сельского хозяйства, казалось бы, не должно было быть особых неясностей и недоразумений при его применении. Однако, некоторые исполкомы произвольно повысили размер облагаемого дохода для заработков, получаемых на отхожих промыслах за работу по найму до 25 и даже 50%, мотивируя такое повышение тем, что оно, во-первых, практикуется уже ряд лет, и что, во-вторых, включение в состав дохода только 10% приведет резкую разницу в обложении между различными районами губернии. Непосредственно на местах мы встречаем более резкие искривления: привлечение к обложению заработной платы в повышенном размере, значительное и преувеличенное обложение доходов от кустарных и ремесленных предприятий в связи с отнесением кустарей и ремесленников, хотя бы имеющих одного или двух наемных рабочих, к числу эксплуататорских элементов, и наступлением на кустарей, вопреки прямым директивам правительства о поощрении кустарной и ремесленной промышленности. Однако, в обложении неземледельческих заработков наблюдается меньше всего неправильностей, благодаря установленным определенным процентам обложения и точным определением признаков самого понятия неземледельческих заработков.

Положение 21 апреля впервые установило административный порядок ответственности за сокрытие обложения от органов взимания налогов. Размер штрафа, налагаемого волостными и районными исполнительными комитетами, не должен быть свыше 10-кратной суммы налога, падающей на вновь выявленную сумму дохода. Положение не определяет, в каких случаях должна наступать ответственность в административном и в каких случаях—в судебном порядке. Между тем, при наличии ст. 62 ч. 2 УК, изд. 1926 г., предусматривающей наложение штрафа в судебном порядке за простое сокрытие или неверное показание о количестве, подлежащих учету либо обложению, предметов не свыше двойного размера причитающихся с укрытых доходов платежей, уже наступала определенная коллизия между двумя противоречивыми нормами закона. Эта коллизия усилилась благодаря инструкции НКФ СССР, которая в § 440 устанавливает судебный порядок преследования не только в случае, если сокрытие или сообщение неправильных сведений органам взимания налога носит организованный характер или совершено по взаимному соглашению группой плательщиков (предусмотрено ч. 1 ст. 62 УК), но также в тех случаях, когда проступок, совершенный отдельным лицом, носит повторный характер. Таким образом, получается, что первоначальное сокрытие может влечь за собой наложение административного штрафа в размере 10-кратной суммы сокрытого налога, а повторное совершение того же деяния влечет за собой наложение в судебном порядке штрафа не свыше, однако, двукратного размера. Уже без всякого основания § 413 инструкции изменяет подсудность дел о сокрытии, установленную ст. 25 УПК. Инструкция устанавливает, что организованное сокрытие, а также сокрытие по взаимному соглашению группой плательщиков подсудно губернскому или окружному суду. Между тем,

согласно упомянутой ст. УПК, оно, как и всякое другое дело о неплатеже налогов, подсудно народному суду.

Не в этой, однако, коллизия между судебным и административным порядком разрешения дел о сокрытии источников облагаемых доходов кроется причина тех перегибов, которые обнаружились на местах при проведении штрафов за сокрытие. В конце концов, норма 69 ст. положения о сельхозналоге, как закон союзного значения, вступила в силу на всей территории СССР в момент опубликования положения на точном основании специального закона («С. З.» 1927 г. № 32, ст. 326). Однако, практика мест по применению штрафов, налагаемых рай- и волисполкомами, приняла в некоторых случаях уродливый характер. Штрафы налагались вне всякой зависимости от мощности хозяйства, от степени злостности допущенного нарушения, а иногда также совершенно независимо от доказанности самого нарушения.

Еще до издания дополнительных директив НКФ РСФСР, уточняющих порядок применения штрафа, наблюдались случаи, что штрафы за одно и то же нарушение налагались в максимальном размере на маломощные хозяйства и в размере одно-, либо двукратном на хозяйства зажиточные. Наблюдались случаи, когда штраф налагался за сокрытие 0,06 сенокоса, за неточное указание количества и частей десятины в участке земли, за арендованном с публичных торгов, хотя показание плательщика соответствовало количеству десятиц, указанных в торговом листе. Неудивительно, что на размер штрафов подавалось много жалоб и что эти жалобы в большинстве случаев удовлетворялись.

Действующая система сельско-хозяйственного налога предусматривает предоставление ряда льгот по налогу. Помимо освобождения от налога различных категорий населения, преимущественно отсталого населения народностей Севера и некоторых народностей Юга, закон освобождает от обложения налогом опытно-показательные хозяйства учреждений, состоящих на общегосударственном или местном бюджете, общественные посевы, участки добровольных пожарных организаций и т. д. Нам в данном случае интересуют льготы, предоставляемые единоличным хозяйствам. Количество льгот и признаков, по которым эти льготы предоставляются, очень велико. Не привлекаются, например, к обложению земли, искусственно мелиорированные, в течение определенного срока после проведенной мелиорации. Свободны от налога площади, занятые под различными культурами по соображениям поощрения посевов этих культур. Отдельно установлены льготы для племенного скота. Из года в год во всех издаваемых положениях повторяются правила о льготах в пользу переселенцев и расселенцев, в пользу коммун и артелей и в пользу хозяйств, в составе которых находятся военно-служащие и инвалиды. Также в зависимости от размера общего ущерба, понесенного хозяйством от стихийных бедствий, и мощности самого хозяйства, установлены льготы для хозяйств, пострадавших от этих бедствий. Действующий порядок предоставления льгот в значительной мере порождает возможность недоразумений и неправильностей. Большею частью льготы предоставляются не автоматически, а в результате возбуждения ходатайств. Таким образом, налоговые комиссии бывают перегружены не только жалобами на те или иные постановления, нарушающие права гра-

ждан, но и ходатайствами о предоставлении тех или иных льгот, либо скидок с налога. Если в отношении некоторых льгот закон дает достаточную определенность, не допускающую колебаний (например, в отношении льгот красноармейских и переселенческих), то, напр., предоставление льгот по стихийным бедствиям зависит в значительной мере от усмотрения низовых органов. Самый порядок установления стихийного бедствия сельсоветами, либо особыми учетными комиссиями, не является совершенным. По общему правилу налоговые комиссии при виках и райисполкомах, не проверяя самых актов о стихийных бедствиях и о количестве десятиц погибшего посева либо сенокоса, по своему усмотрению определяют сумму подлежащей скидки по налогу. В результате ряд жалоб.

В истекшем окладном году мы встретились с явлением значительного потока жалоб на обложение, которое загружало не только все местные органы, финансовые в особенности, но в известной мере затрудняло иногда и работу центральных органов. Имеются округа, по которым количество жалоб исчисляется десятками тысяч, доходя иногда и до 100.000.

На прокурорский надзор в истекшем году легла очень большая и ответственная задача по осуществлению наблюдения за правильным применением законодательства о сельско-хозяйственном налоге. Ряд прокуратур и до получения определенных директив из центра провел значительную работу, возбуждая вопрос о перегибах и недочетах кампании по своей инициативе и добиваясь определенных результатов. Обычными методами прокурорской работы в данном случае были выезды на село и непосредственное ознакомление с практикой обложения. Проводились собеседования с группами бедноты, делались доклады на широких крестьянских собраниях, подвергалась обследованию деятельность сельсоветов, рай- и волисполкомов и соответствующих налоговых комиссий по всем стадиям сельхозналоговой кампании. Штрафы, наложенные в административном порядке не в соответствии с мощностью хозяйства и за малозначительные нарушения, а также без всякого основания, неуклонно опротестовывались. Прокуроры участвовали в заседаниях районных и волостных налоговых комиссий при рассмотрении принесенных им жалоб. Они осуществляли общий надзор за своевременным рассмотрением жалоб и за правильностью разрешения ходатайств. По общему правилу прокуроры направляли подаваемые им жалобы на тяжесть обложения на разрешение самих налоговых комиссий, осуществляя лишь надзор за своевременным и правильным их разрешением. Против должностных лиц низового аппарата, виновных либо в значительных перегибах и злоупотреблениях при проведении налога, либо в халатности и бездеятельности, возбуждалось преследование в уголовном и дисциплинарном порядке. Одновременно возбуждался вопрос о снятии с работы тех или иных должностных лиц финорганов, проводивших явно неправильную классовую линию.

Из изложенного характера нарушений при проведении сельхозналога в истекшую кампанию сами собой явствуют те поправки, которые должны быть в него внесены.

Необходимо своевременное, задолго до начала фактического проведения налога, опубликование не только нового закона, но и разъясняющей его инструкции. Эта заблаговременность опубликования диктуется еще и соображениями о необходимости усиления стимула к

поднятию урожайности и к расширению посевов в предстоящую весеннюю посевную кампанию. В том же направлении должна действовать большая устойчивость законодательства: вновь устанавливаемые нормы обложения должны применяться в течение не менее, по крайней мере, 3-летнего периода. Местным органам должно быть категорически запрещено издавать постановления, расширительно толкующие закон и дополняющие его. Число случаев, в которых местные органы уполномочиваются на установление каких-либо норм обложения, должно быть сокращено до минимума.

Признавая необходимым сохранить самый порядок индивидуального обложения хозяйств, обладающих значительными нетрудовыми доходами эксплуататорского хозяйства, необходимо в то же время уточнить это понятие для избежания неправильного толкования и применения на местах. В тех же целях и прогрессия надбавок к доходности зажиточных хозяйств должна получить большую равномерность.

Поскольку в центре внимания советской страны поставлена в настоящее время зерновая проблема, нормы обложения для полеводства должны быть снижены.

Для уменьшения количества различного рода хатайств, возбуждаемых населением о предоставлении тех или иных льгот, необходимо увеличить размер необлагаемого минимума и в то же время установить порядок автоматического применения льгот в большинстве предусмотренных законом случаев. Наибольший процент хозяйств из установленного законом количества 35% должен быть освобожден за счет повышения необлагаемого минимума.

Наконец, должны быть устранены противоречия между ст. 69 положения о сельхозналоге и ст. 62 Уг. Кодекса, при чем наложение штрафа за простое сокрытие должно быть проводимо исключительно в административном порядке. Предельный же размер штрафа достаточно ограничить пятикратным размером суммы налога, причитающейся с сокрытого дохода.

Особого внимания заслуживает необходимость своевременного проведения широкой подготовительно-разъяснительной кампании по подготовке крестьянства к применению налога, к тем изменениям, которые должны быть внесены в практику его применения. Крестьянство должно получить уверенность, что признание революционной законности в отношении сельского хозяйства хозяйственной необходимостью [постановление ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)], проникнет во все поры низового совнаппарата и будет предопределять его деятельность в проведении предстоящей сельхозналоговой кампании.

М. Брагинский.

Текущее законодательство.

Происходящая в настоящее время избирательная кампания по перевыборам советов выявила ряд случаев воспрепятствования панимателями в сельских местностях осуществлению работающими у них батраками принадлежащих им избирательных прав. Изданным в начале января циркуляром НКЮ подобные действия были квалифицированы по ст. 133 Уголовного Кодекса как действия, нарушающие ст. 77 Код. Зак. о Труде. Однако, высшие органы РСФСР признали необходимым особым постановлением от 28-го января дополнить Уголовный Кодекс РСФСР специальной статьей 91¹ («Изв.» 29 января, № 23). Новая статья Уголовного Кодекса состоит из двух частей,

из которых первая предусматривает воспрепятствование панимателем в осуществлении избирательных прав одним, либо двумя батраками, а вторая—группой рабочих в числе трех и более; сю же предусмотрены повторные действия. В обоих случаях санкции установлены в виде принудительных работ и штрафов (в первом случае—работы до 6 мес. или штраф до 500 рублей, а во втором—работы на срок до одного года или штраф до 1.000 рублей).

Приближающееся празднование международного женского дня—8-го марта—вызвало издание соответствующих директив как высшими партийными, так и советскими органами. В «Известиях» от 31 января № 25 и от 6 февраля № 30 опубликованы циркулярные письма Президиума ЦИК СССР и ВЦИК. Они констатируют, что местными органами за истекший год проделана значительная работа по улучшению труда и быта работниц и крестьянок по поднятию их политического и культурного уровня, по выдвижению работниц, батрачек и крестьянок на руководящую советскую работу во всех звеньях советского аппарата, а также по подготовке и переподготовке через специальные курсы женщин-членов советов. Также отмечена проведенная значительная работа по борьбе в восточных районах с бытовыми пережитками, которая способствовала также большему привлечению трудящихся женщин Востока к активному участию в советах. Одновременно отмечены и недочеты в проводимой работе, в особенности слабо развернутая ликвидация неграмотности и малограмотности, недостаточное привлечение женщин-членов советов к практической работе и т. п.

В намеченных мероприятиях особенно обращается внимание на необходимость использования совпадения международного женского дня с перевыборами советов. В связи с этим 8-е марта должно быть использовано для привлечения широких масс трудящихся женщин к участию в перевыборах и для более широкого их выдвижения в состав советов и исполкомов. Должны быть приняты решительные меры к выдвижению работниц, батрачек и крестьянок на руководящую советскую, хозяйственную и кооперативную работу, в особенности, в страхкассах и в инспектуре труда. Женщины-члены советов и исполкомов должны быть поголовно втянуты в практическую работу. Число командированных на общие курсы по переподготовке работников совнаппарата должно быть увеличено. Особо должны быть приняты меры к усилению ликвидации неграмотности и малограмотности, к улучшению обслуживания яслями и детскими садами безработных женщин и работниц коллективов, к вовлечению крестьянок в кампанию по борьбе за поднятие урожайности. Письмо Президиума ВЦИК упоминает о подготовляющемся законе о спятии паранджи и чадры с восточных женщин, на что должно быть обращено внимание в национальных восточных районах. Там же должно быть популяризировано законодательство о бытовых преступлениях и т. п.

Законодательство, учитывающее национальные особенности различных народностей, населяющих РСФСР, дополнено весьма существенным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября о примирительном производстве по борьбе с обычаями кровной мести («С. У.» № 141, ст. 927), изданным на основании пост. 2-й сессии ВЦИК XIII созыва от утверждения гл. X УК о преступлениях, составляющих пережитки родового быта («С. У.» 1923 г. № 47, ст. 356). При окружных или районных и волостных исполкомах организуются примирительные комиссии в целях ликвидации случаев кровной мести, возникающих на почве убийств и нанесения телесных повреждений. В состав комиссий, состоящих под председательством представителей исполкомов, входят народные судьи, два представителя общественных организаций и представитель местной женской организации. Комиссии собирают сведения о лицах, враждующих между собой на почве кровной мести. По каждому такому случаю заводится особое дело с учетом всех враждующих лиц: непосредственных совершителей преступлений, их совершеннолетних родственников и других членов рода, а также потерпевших, с их родственниками и членами рода. Примирительные дела рассматриваются в публичном заседании примирительной комиссии, о чем извещаются все перечисленные лица. Те из них, которые находятся в местах лишения свободы, допускаются к участию в примирительном разбирательстве с разрешения органов прокуратуры или следствия. По явке вызванных лиц, председатель разъясняет сторонам

значение примирительного производства и ответственность за отказ от примирения. Затем вызванным предлагается дать подписку о примирении и о прекращении дальнейшего преследования своих противников на почве кровной мести. Лица, выразившие желание примириться, выдают комиссии соответствующую подписку. В отношении лиц, отказавшихся от примирения, комиссия направляет копию акта об отказе от явки в примирительную комиссию в народный суд для привлечения к ответственности по 195 ст. УК РСФСР. В таком же порядке направляются дела о лицах, уклонившихся от явки. О состоявшемся примирении составляется акт, подписываемый комиссией и всеми примирившимися, а о примирении исполком широко оповещает местное население. Допускается заключение соглашения сторон о материальной помощи потерпевшим или членам их семей. Соглашение это заносится в примирительный акт и имеет силу третьей записи. Неполное исполнение обязательства, выраженного в акте, является основанием для принудительного взыскания путем исполнительной надписи нотариальных органов.

Вновь опубликованный закон придавая акту примирения известный принудительный характер, проводит его в определенных торжественных формах.

Районирование РСФСР, начатое образованием в 1925 г. Северо-Кавказского края, заканчивается. Пост. Президиума ВЦИК от 14 января об образовании на территории РСФСР административно-территориальных объединений краевого и областного значения («Изм.» 17 января № 14) предусматривает образование с 1 октября 1929 г. на оставшейся нерайонированной территории РСФСР следующих административно-территориальных объединений: 1) Северного края в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Авт. Обл. Коми; 2) Западной области в составе, в основном, Смоленской, Брянской и Калужской губерний; 3) Нижегородской области, в составе, в основном, Нижегородской, Вятской губерний и Авт. Обл. Марийской и Вотской; 4) Центрально-Промышленной области в составе, в основном, губерний: Московской, Тверской, Тульской и Рязанской и 5) области с центром в Иванове-Вознесенске из губерний Иваново-Вознесенской, Владимирской, Ярославской и Костромской.

В процессе районирования возникает вопрос о взаимоотношениях между автономными областями, входящими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти. Регулирование этого вопроса в соответствии с основными началами национальной политики советской власти проведено особым постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября («С. У.» № 137, ст. 889) на началах, аналогичных с урегулированием таковых же взаимоотношений автономных республик с органами краев и областей, в состав которых они вошли. По общему началу такие автономные области управляются в соответствии с Конституцией РСФСР областными исполкомами, избираемыми на сездах советов, пользуются всеми правами, предоставленными им постановлениями ВЦИК и особыми о них положениями, а также специальными законами. В соответствии с этим автономные области независимы от краевых органов управления в области организации и административной, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, юстиция, земельного управления, местного хозяйства, местного бюджета и архивного дела. В то же время на краевой исполком возлагается распределение местных имуществ и предприятий между краем и вошедшими в его состав областями, установление для областей размеров отчислений от общегосударственных налогов и доходов, субвенционных восполнений и т. п., рассмотрение в порядке надзора бюджетов областей. Облсполком может опротестовать действия и распоряжения крайисполкома в отношении бюджета во ВЦИК и СНК. Что касается областей труда, торговли, статистики, РКИ и ОГПУ, а также финансово-налоговой, то облсполкомы подведомственны как центральным органам, так и краевым исполкомам. Президиум Краевого Исполкома имеет право отвода заведующих перечисленными отраслями работы. Всякое несогласие краевого исполкома с постановлением облсполкома должно быть опротестовано непосредственно в последний, а в случае его подтверждения, крайисполком может войти во ВЦИК или в СНК с просьбой об отмене опротестованного постановления. В случае несогласия облсполкома с постановлением или распоряжением крайисполкома, он может

приостановить его проведение, одновременно обжаловав в СНК или Президиум ВЦИК. Право непосредственного выбора на областных сездах советов делегатов на всероссийские сезды сохраняется за автономными областями.

Переименование населенных пунктов и административно-территориальных единиц, ограниченное рядом законодательных постановлений, как создающее затруднения в работе правительственных органов и вызывающее излишние расходы («С. У.» 1924 г., № 7, ст. 38, 1926 г., № 71, ст. 87), урегулировано вновь изданным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 12 ноября («С. У.» № 141, ст. 928). Централизация разрешения этих вопросов исключительно в Президиуме ВЦИК отменена. Право переименования железнодорожных станций, а также населенных пунктов, имеющих почтово-телеграфные учреждения, допускается попрежнему лишь с разрешения Президиума ЦИК СССР в соответствии с постановлением ЦИК от 7 января 1924 г. («С. У.» № 7, ст. 38). Также лишь с утверждения Президиума ВЦИК может производиться переименование автономных республик, краевых объединений, автономных областей, губерний, округов, уездов, районов и волостей, а также населенных пунктов, не имеющих почтово-телеграфных учреждений, но насчитывающих более 200 жителей, либо расположенных при одноименных с ними железнодорожных станциях. Что же касается переименования остальных населенных пунктов, а также сельских советов, то оно может быть произведено постановлением местного исполкома не ниже губернского масштаба. Переименование допускается лишь в случаях крайнего несоответствия существующих названий современному государственному строю, бытовым национальным особенностям населения, а также в случае нахождения двух или более населенных пунктов с одинаковыми названиями в одном и том же районе или волости. Новые названия должны даваться исключительно по местным условиям, признакам и предметам. Переименование сельсоветов допускается в случаях их перемещения в другие населенные пункты.

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на происходившей в конце 1928 г. сессии ВЦИК, был доклад Наркомзема РСФСР о **восстановлении и реконструкции сельского хозяйства Центрально-Черноземной области и о реконструкции сельского хозяйства в засушливых районах РСФСР** («Изм.» от 24, 25, 27 и 29 января, №№ 19, 20, 21 и 22). Постановление сессии по этому вопросу увязано с общими мероприятиями правительства СССР и РСФСР по поднятию урожайности и в то же время предусматривает ряд мер, специально разрешающих задачи реконструкции хозяйства в засушливых районах. Правительством РСФСР дан ряд заданий по созданию специальных оборотных фондов на реконструкцию сельского хозяйства в засушливых районах, по проведению таких мероприятий, которые должны дать наибольший производственный результат и служить стимулом для перехода мелких хозяйств к крупному коллективному производству. Средства фондов в районах реконструкции должны расходоваться на земельное устройство, на механизацию и тракторизацию, на снабжение районов чистосортными семенами и на развитие предприятий по переработке продуктов сельского хозяйства. Вся работа по коренной реконструкции сельского хозяйства должна проводиться на началах контрактации с тем, чтобы эта работа приобрела более устойчивый характер. Мероприятия организационно-производственного и агрикультурного характера увязываются с основными рычагами экономического регулирования: ценами на сельскохозяйственные продукты, сельскохозяйственным налогом и т. п. Отпускаются особые кредиты за счет госбюджета на агрономический, ветеринарный, землеустроительный и мелиоративный персоналы.

На ряду с укреплением индивидуального крестьянского хозяйства и с оказанием содействия постепенному переходу мелких крестьянских хозяйств на путь коллективизации и крупного хозяйства, политика рабоче-крестьянского правительства направлена на организацию крупных зерновых советских хозяйств, имеющих явиться своеобразными зерновыми фабриками (см. пост. ЦИК и СНК СССР от 1 августа 1928 г. «С. З.» № 48, ст. 421). Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября «О выделении земель для образования новых крупных зерновых советских хозяйств» («С. У.» № 137, ст. 888) перечисляет в состав госземимуществ колонизационные фонды Нижне-

Волжского края, Средне-Волжской области и др. районов. Прекращается действие арендных договоров на госземельных участках, предназначенных для строительства новых совхозов. Возмещение убытков арендатора от досрочного расторжения договора возлагается на зернотрест. Лишь в исключительных случаях допускается обращение на строительство совхозов коневодческих фондов, а также перемещение соответствующих поселков на другие государственные земельные участки. Этим, в известной мере, охраняются интересы разведения военно-ремонтной верховой лошади, необходимой для снабжения частей РККА. На аналогичных началах разрешается вопрос о фондах, отведенных под крупное овцеводное хозяйство государства, дающее сырье-шерсть для легкой индустрии. Особо переданы зернотресту земли и постройки ряда совхозов местного значения. Ориентировочно всего включается в состав совхозов зернотреста—2.620.000 гект. Все отводимые земли должны быть сведены в виде крупных массивов, по возможности, к одному месту.

Законодательство заботится, как мы видим в одном из предыдущих обзоров, не только о материальных интересах крестьянства, но и об удовлетворении его культурно-бытовых нужд. Одним из средств поднятия культурного уровня крестьянства является **организация домов крестьянина**, предусмотренная специальным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября («С. У.» № 141, ст. 926). Дома крестьянина организуются местными исполкомами и состоят в ведении их президиумов или отделов, финансируются они за счет местного бюджета. Домам крестьянина предоставлено право открывать и содержать хозяйственные предприятия: столовые, общежития, чайные, кинотеатры, библиотеки и др. Доходы от предприятий поступают в специальные средства соответствующих домов крестьянина. Организуются особые советы домов крестьянина из представителей организаций и учреждений, связанных с работой в деревне. Центральные дома крестьянина находятся в ведении соответствующих наркоматов земледелия.

Одним из существенных препятствий для дальнейшего развития народного хозяйства СССР, а сельского хозяйства, в особенности, является состояние дорог—шоссейных и грунтовых. Особое постановление ЦИК и СНК СССР «О дорожном хозяйстве и автомобильном деле в СССР» от 28 ноября («Изв.» 29 января № 23) издано в целях решительной борьбы с бездорожьем и внесения необходимого единства и твердого планового начала в дорожное хозяйство и автомобильное дело. НКПС предоставлены функции объединенного наркомата в области регулирования и планирования дорожного хозяйства и общего регулирования автомобильного дела. Для этого в его составе организовано центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта. Соответственные главные управления организуются при СНК союзных республик, а местные органы, учреждаемые при исполкомах, непосредственно ведают дорожным хозяйством и автомобильным делом. Расходы по содержанию, ремонту и устройству дорог государственного значения проводятся по общесоюзному бюджету. Увеличиваются ставки местного налога с грузов, привозимых и вывозимых по железнодорожным путям сообщения, с приданием этому налогу целевого характера и с обращением всей суммы его поступлений исключительно на нужды дорожного хозяйства. Местные органы должны увеличить ассигнование по местным бюджетам на это хозяйство. В первую очередь улучшаются и воссоздаются дороги, ведущие к пунктам экономического тяготения. Участие промышленности в расходах по дорожному хозяйству признано обязательным. Должны быть приняты меры к привлечению иностранного капитала к делу снабжения дорожного строительства и автотранспорта необходимыми средствами, а также к сооружению отдельных путей.

Имея в виду, что для сооружения и ремонта дорог, в особенности местного значения, недостаточны средства, ассигнуемые по бюджетам, закон СССР предусматривает введение **обязательного трудового участия населения** в проведении мероприятий по улучшению и развитию дорожной сети. Закон намечает основные положения этого мероприятия: оно состоит как в участии отдельных трудоспособных граждан в выполнении определенных работ, так и в их обязанности предоставлять рабочий скот с необходимыми гужевыми транспортными средствами и

инвентарем. Участие это не должно превышать 6 дней в году. Оно может быть заменено определенными денежными взносами. Привлечение к трудовой дорожной повинности допускается лишь в случае недостаточности средств для осуществления намеченных мероприятий. К участию в этой повинности привлекаются также коллективы, сельскохозяйственные артели, товарищества, частные предприятия. В законодательном порядке определяются категории работ, производимых в порядке трудовой повинности, а также объем этих работ и сроки их выполнения.

Особо регулируются нормы техники дорожного дела и подготовки технического персонала.

М. Б.

По союзным республикам.

Обследование судебного аппарата Азербайджанской ССР.

РКИ АССР закончено обследование судебного аппарата в Азербайджане. Обследование показало общую слабость судебного аппарата и малую развитость судебной сети. На один нарсуд приходится до 50000 душ населения. Дела залеживаются по некоторым нарсудам по нескольку лет. В среднем в Баку прохождение дел до первой кассации по нарсудам занимает от 8 месяцев до года, в уездах прохождение дел еще более длительное.

Исполнение решений судов судебными исполнителями, труд которых оплачивается процентами от взыскиваемых сумм по взысканиям, также задерживается. В силу условий оплаты судисполнители предпочитают крупные иски, задерживая исполнение по мелким, касающимся, главным образом, интересов неимущего населения.

В связи с обследованием обнаружено засорение судебного аппарата чуждым элементом. В ряде судебных органов обнаружены уличенные еще ранее взяточники, бывшие пристава и ряд других. В настоящее время эти лица снимаются с работы.

Обследование коснулось также коллегии защитников. Обнаружено, что произведенная недавно реорганизация коллегии защитников цели не достигла, и в коллегии остаются еще антисоветские элементы.

Материалы обследования будут положены РКИ в основу ряда коренных реформ в судебном аппарате АССР.

Журбенко.

На местах.

Как работает нарсуд к VI съезду работников юстиции.

Передо мной цифры статистики, которые говорят о следующем: в 1926—27 гг. уголовные дела оканчивались до 7 дней 51%, до 1 месяца 15%, а в 1927—28 гг. до 7 дней около 80% и до 1 месяца 3%, такое увеличение дел, законченных в срок до 7 дней, говорит за то, что наш судебный аппарат стал работать гораздо быстрее. Если взять дела гражданские, то и здесь не хуже, так, например: до 7 дней в 1926—27 г. проходило 48%, до 1 месяца 17%, а в 1927—28 г. до 7 дней 83% и до 1 месяца 2,8%, т.е. увеличение на 34%. То же самое нужно отметить в отношении отложенных дел: в 1926—27 гг. мы откладывали при всяком нужном и ненужном формальном случае в итоге до 50%. Совершенно другая картина в 27—28 гг., и в особенности в последнее время, когда отложение бывает в 5—10%.

Сейчас существует такое мнение, что если и подашь жалобу, то в губсуде все равно утвердят. Такое явление говорит за то, что мы, помимо количественных достижений, имеем качественное улучшение в работе нашего судебного аппарата.

Мы разбираем зачастую дела слишком мелкие, частного обвинения 42% из общего количества уголовных дел, 60% уголовных дел безболезненно можно изъять из нарсуда и передать другим организациям и учреждениям. Судьям сейчас приходится разбирать до 30 дел в день, засиживаясь до 10 и 12 час. ночи. Приходи домой, бредишь во сне от такой нагрузки. Если мы не примем коренных мер, может появиться невольное дезертирство с работы. Такие условия работы безусловно невыносимы, и мы на съезде должны

это отметить. В области гражданских дел мы должны изменить подсудность в смысле увеличения суммы исков, и некоторые дела также изъять из нарсуда, например, жилищные, взыскание квартплаты. Почему бы нам не передать взыскание алиментов ЗАГС'у. В области гражданских дел нам нужно обсудить вопрос об ограничении приема дел от частных лиц или принимать, но выдавать судебные приказы, иначе ведь что получается: разбил гражданин стекло, потерпевший приходит в суд и просит взыскать полтора рубля, назначается дело к слушанию, вызывается ответчик, ну, а если последний иск не признает, приходится вызывать свидетеля... Или подает гражданин заявление с просьбой взыскать с такого-то стоимость топора в 3 рубля или долг в 2 рубля. Мы разбираем такие дела, вызывая из-за стекла и топора стороны, а во что это обходится, мы на это не обращаем внимания.

При росте нашего судебного аппарата и качественном улучшении работы мы должны, с одной стороны, отбрасывать ненужную работу, с другой, оказать больше доверия работникам нарсуда. Так, не мешало бы иметь постановление о том, что нарсуде предоставляется право, если он усмотрит, что дело бесспорное, выдать судебный приказ, или предоставить право для всего суда, если он усмотрит, что с ответчика нужно формально взыскать, но имея в виду невозможность взыскания, несостоятельность или нецелесообразность, отказать в иске. А сейчас мы зачастую работаем, заводим судебную машину, гоним стороны взад и вперед, истец получает листы, передает судисполнителю, а в конце концов вся работа впустую, и лист идет обратно на руки предъявителю.

Несколько слов о карательной политике нарсуда: у нас она выражается на 60% к общему количеству дел в виде штрафа и на 25% — принудработ. Путь, конечно, правильный, но здесь нужно отметить неустойчивое положение, отсутствие постоянства карательной политики. Бывают времена, когда мы вследствие известных кампаний бьем, скажем, хулиганов или других преступников, а через несколько времени нам указывают: применяйте принудработы и сажайте на короткое время. Ну, и получается, что нам, судработникам, трудновато приспосабливаться и маневрировать, а население, не зная ничего о перемене в нашей карательной политике, недовольно. Иногда бывает и так: нарсуд хорошо справился с делом, изолировал кого следует, а перешло дело в губсуд, там «амнистировали», а нарсудам потом говорят — значит вы негодные работники. В результате авторитет нарсуда среди населения роняется. Нужны устойчивые карательной политики и больше доверия низам.

В области общественной работы нарсуда мы имеем также успехи. В повседневной практической работе мы не забываем и не можем забывать, что основная наша задача — это связь с массой, привлечение этой массы к работе в аппарате суда и сообщение этой массе правовых знаний. В большей степени наша работа проходит с членами административно-правовой секции, рабочими от станка, имеющими с нами неразрывную связь и являющимися контролерами нашей работы. Мы проводим занятия с нарзаседателями по правовым вопросам, ежедневно дежурим, принимая население, и руководим справочными бюро. Помимо этого, мы делаем доклады, отчитываясь на заводах или фабриках, освещаем свою работу в общей и местной печати, организуем товарищеские суды, устраиваем выездные сессии. Как видите, мы нагружены на все 12 час., а если подвести итог и спросить бываю ли у вас, тов. судьи, свободные вечера для самообразования, то нужно ответить: нет и нет. Сравнивая нашу общественную работу в 1926—27 г. с 1927—28 г., мы можем сказать, что она шагнула далеко вперед. Вместе с тем нужно отметить, что занятия с нарзаседателями последнего сезона проходят не удовлетворительно, мала посещаемость, а все это объясняется тем, что люди у нас те же, программа та же и выходит так, что мы повторяем то, что проходили в 1927—28 г. зимой. Таким образом, в этой области нам нужно также перестроить свою работу: нужно обновить членов административно-правовой секции и втянуть новых людей, а во главе поставить деловых и грамотных ребят, новый состав нарзаседателей организовать для занятий на

месте, возложив это на фабзавкомы с нашим содействием и помощью, а мелкие предприятия объединить. Вообще сделать так, чтобы вся ответственность лежала на местной организации. Нужно ставить диспуты и доклады на темы тех или иных проблем советского права, посвящая этим самым в курс дела все население. Больше внимания на страницах журнала работе мест, помня заветы В. И. Ленина — «суд должен быть действительно народным, т. е. иметь тесную связь с народной жизнью».

Нарсудья 5 Ленинского участка Рогожско-Симоновского района г. Москвы Г. Дивонин.

Что сказал Ленинградский областной съезд работников юстиции.

Ленинградский обл. съезд отметил «резко намеченный сдвиг за истекший год в политике НКЮ в области методов руководства и связи центрального аппарата НКЮ и периферии».

Съезд считает этот поворот тем более своевременным, что НКЮ поставлены на очередь важнейшие и существеннейшие проблемы в практической деятельности судебных и прокурорских органов. При чем поставлены и предложены местам не в порядке готового решения, продиктованного сверху центральным аппаратом, а в порядке предложений, подлежащих критике и дискуссии на местах и местами прежде их внесения в законодательные инстанции.

Обращаясь к существу основных положений доклада (тов. Крыленко), съезд заявляет, что целиком и полностью разделяет основные политические директивы для работы органов юстиции, предложенные в принятых коллегией тезисах т. Янсона. Максимальная помощь партийным и советским органам в их работе по осуществлению лозунгов индустриализации страны путем судебной борьбы с всякого рода бесхозяйственностью и расхлябанностью аппарата — взяточничеством, растратами и т. д.; активное содействие им в области коллективизации сельского хозяйства путем борьбы с кулачеством и его происками: нарушениями закона о национализации земли, эксплуатацией батрачества и т. д. и, в особенности, с кулацким террором; борьбу за революционную законность, борьбу с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, так и в своей собственной среде, в особенности проявленные ответственными работниками, — все эти практические лозунги и директивы партии и НКЮ съезд со всей ответственностью принимает к своему исполнению и приложит все усилия для достижения в этой области максимальных результатов. Равным образом съезд также разделяет и основные принципы намеченных НКЮ реформ во всех основных областях судебно-прокурорской работы, как-то: уголовного права, уголовного процесса и судебно-исправительной политики, изложенные в тезисах других докладчиков на предполагаемом 6 съезде деятелей юстиции».

Областной съезд предложил областному суду и всем окрестам, под его руководством, принять все необходимые меры к осуществлению, в первую очередь, нижеследующих задач:

«1. Немедленное принятие самых энергичных и жестких мер, обеспечивающих реальное осуществление директив Правительства от 26/III—28 г. и циркуляра НКЮ от 14/I 1929 г.

2. Изжитие явлений недостаточно обоснованного возбуждения уголовного преследования и допущения таких дел к слушанию.

3. Заострение внимания судработников на отдельных участках фронта борьбы с преступностью. Имено — нарушение трудового законодательства, нарушение законов о национализации земли, усиление борьбы с лежкооперацией, с извращением той или другой налоговой и заготовительной кампании, борьбы с преследованием рабселькопов и общественников, продолжение борьбы с растратами, бесхозяйственностью, волокитой, бюрократизмом и т. д.

4. Особо жесткая борьба с бюрократизмом и волокитой в самих органах юстиции, широко применяя методы самокритики и имея в виду указание НКЮ на

то, что «предпочтительнее на том или ином участке прокурорской и судебной работы вовсе не иметь работника, чем иметь работника, дискредитирующего прокуратуру и суд своим формальным, бюрократическим и бездушным отношением к делу».

5. Усиление внимания к работе кассотделений и ИРО по линии учета практики нарсудов, выявления неправильных уклонов в судебной политике по гражданским и уголовным делам (углубление ревизионного момента в работе кассотделений и улучшение формулировки их кассационных и частных определений; правильное применение групповых осмотров дел; усиление участия членов кассотделений на совещаниях нарсудей; непосредственная нагрузка членов окрсудов работой по линии ИРО и т. д.).

6. Осуществление задачи приближения суда к населению, путем увеличения сети судебных и исполнительских камер, обращая особое внимание на улучшение исполнения судебных решений (увеличение числа судисполнителей, а равно и распределение и разграничение работы с органами милиции и сельскими исполнителями). На ряду с этим, добиться увеличения средств на выездные сессии суда, учитывая, что выездные сессии являются не только одним из способов приближения суда к населению, но и должны составлять контроль над работой суда со стороны масс, давая в то же самое время наибольшую возможность популяризировать в массах советское право.

7. Обеспечение успеха борьбы с текучестью личного состава и за улучшение квалификации (одновременно с дальнейшим увеличением рабочей, партийной и женской прослойки, выдвигая на судебную работу непосредственно с производства, от сохи и батраков) и добиваясь поднятия зарплаты низового аппарата (в остальных округах), а также общего улучшения материального положения судработников.

8. Энергичное продолжение работы по дальнейшему сокращению сроков прохождения дел, ускорению и упрощению судопроизводства.

9. Продолжение работы по расширению сети сельских примкам, организация и пропаганда товарищеских судов и руководство их работой.

10. Усиление общественно-политической работы судорганов, активности бюро по пропаганде права, главным образом по руководству работой мест, связан судорганов с печатью и углубленной планомерной работы с нарзаседателями. Одновременно необходимо осуществление предложения НКЮ об организации административно-правовых секций при местных советах.

11. Одинаково с'езд считает нецелесообразным разрайонирование нарсудов по гор. Ленинграду там, где разрайонирование произведено, и работа дала положительные результаты».

Областной прокуратуре среди других мер по улучшению ее работы с'езд предложил:

«Перенести центр тяжести работы по руководству на ревизионные обследования местных прокуратур, придавая этим обследованиям инструктивный характер и обращая особое внимание не столько на фотографирование недостатков в работе, сколько на изучение причин этих недостатков для последующего их устранения...»

Сосредоточить внимание местных прокуратур на необходимости увеличения числа отчетных докладов, а равно докладов на темы, имеющие особое значение для деревенской работы (льготы бедноте, защита труда батраков, борьба с подрывом национализации земли, кабальной сделки, бюрократизм в низовом аппарате, а также доклады на конкретные темы и т. д.).

Обратить особое внимание на то, чтобы доклады (отчетные и другие) были тесно связаны с работой прокуратуры по борьбе за восстановление нарушенных прав трудящихся, особенно батраков и деревенской бедноты и по борьбе с бюрократическими извращениями советского аппарата: материалы, полученные на докладах в повседневно работе, необходимо изучать и систематизировать, в целях постановки перед руководящими органами соответствующих вопросов (о недостатках в работе местного соваппарата и т. п.).

Взять более резкий курс на массовую работу в деревне среди батраков, деревенской бедноты, допол-

няя эту работу индивидуальной связью как с селько-рами, так и отдельными представителями деревенского актива, превращая их постепенно в опорные пункты прокурорской работы в деревне.

Окончательно изжить следовательский метод деревенского советского аппарата, производя лишь целевые обследования его на основании, главным образом, материалов, полученных во время докладов и бесед с крестьянами (жалобы, заявления и т. п.).

На деревенской работе обратить особое внимание: на борьбу с бюрократизмом, волокитой, бесхозяйственностью, протекционизмом в низовом аппарате; на борьбу с лежкооперацией; на борьбу с кабальными сделками; на защиту прав бедноты и батрачества.

Обратить особое внимание на систематическую плановую проверку выполнения важнейших законов, регулирующих хозяйственную жизнь деревни и взаимоотношения между отдельными группами крестьянства (сельхозналог, самообложение, проведение посевной кампании, кредитование бедноты, проведение обязательных агрикультурных мероприятий и т. д.). В целях экономической защиты бедняцкой группы крестьянства, развития лучших форм землепользования и охраны принципа национализации земли, — необходимо обратить внимание на быстрое и правильное проведение землеустройства, а также большее участие в работе земельных комиссий.

Особое внимание обратить на надзор за гражд. делами, особенно за теми из них, в которых прямо заинтересованы батраки и деревенская беднота. Практиковать групповое изучение дел, разрешаемых судами по отдельным категориям, под углом выявления правильности классовой линии, выводимой судами.

Заслушав доклад т. Крыленко об основных принципах переработки УК, с'езд «считая совершенно своевременной указанную переработку, целиком одобряет принципиальную установку тезисов и считает необходимым, в виду чрезвычайной важности и значительности проектируемой реформы, просить НКЮ выплывающий на основе указанных тезисов проект УК раньше его внесения в законодательные учреждения перелать, равным образом на заключение и обсуждение местных органов юстиции».

С'езд работников юстиции Ленинградской области отметил ряд положительных сторон проекта УПК — ясность и простоту изложения, коренные изменения следственного и судебного процесса, обеспечивающие быстрое расследование и рассмотрение уголовных дел и устранение основных противоречий действующего УПК. На ряду с положительными сторонами проекта, с'езд обратил внимание на ряд его недостатков как в области следственного, так и судебного процесса. Для устранения этих недостатков с'езд считает необходимым внести в проект УПК ряд изменений, из них отметим следующие:

«В 49 ст. примечание следует изложить так: «В случае нарушения подсудственным избранной в отношении его меры пресечения, она заменяется более строгой мерой, при объявлении подсудственному избранной меры пресечения он предупреждается о последствиях нарушения ее».

В 50 ст. 2 ч. надо изложить так: «Производящий расследование отменяет или изменяет меру пресечения с согласия наблюдающего органа, ее предложившего».

60 ст. надо дополнить словами: «отказ в дополнении расследования должен быть мотивирован».

Ст. 86 надо изложить так: «Прокурор и следователь могут вступить в любое дело для поддержания обвинения. Кроме прокурора и следователя, обвинение на суде поддерживает общественный обвинитель по уполномочию прокуроров или следователя, а также уполномоченные профсоюзов, Рабоче-Крестьянской Инспекции и иных инспекций по делам их ведения.

Потерпевший по делам о преступлениях, перечисленных в ст. 3 настоящего кодекса, вправе поддерживать обвинение, если в дело не вступил прокурор, следователь или по их уполномочию общественный обвинитель».

2 ч. 94 ст. надо изложить так: «В случае несогласия с определением подготовительного заседания, про-

курор вправе опротестовать это определение в порядке надзора».

Во 2 ч. 108 ст. надо изложить так: «Суд вправе допустить предъявление гражданского иска в течение всего судебного следствия».

125 ст. надо изложить так: «Если на основании данных судебного следствия обвинитель пришел к выводу о необоснованности обвинения, то он обязан отказать от обвинения»; защитник вправе отказаться от защиты, если он пришел к выводу об отсутствии данных для защиты».

157 ст. следует изложить так: «При изменении приговора в кассационно-реvisionsном порядке допускается как переквалификация преступления, если она не влечет повышения меры социальной защиты, так и смягчение (с применением также 51 и 53 ст. УК) меры социальной защиты в случаях явного несоответствия ее общественной опасности преступления и осужденного».

Докладчиком по делу должен быть председательствующий в суде.

Кассационный срок установить 7 дней.

Исключить из проекта требование обязательности подписки посторонних лиц за неграмотностью допрошенных лиц.

Областной съезд работников юстиции констатировал, что «существующая ныне система исправительно-трудовых учреждений и постановка дела в них не удовлетворяют требованиям уголовной политики и что реформы исправительно-трудового дела и организация мест заключения на началах, изложенных в тезисах т. Трасковича, настоятельно диктуются самой жизнью и не терпят отлагательства. Присоединяясь в целом к тезисам т. Трасковича, съезд все же считает необходимым подчеркнуть, что в вопросе о предоставлении льгот заключенным, в виде досрочного освобождения, зачета рабочих дней, отпусков и т. п., необходимо проявлять крайнюю осмотрительность; в положении об органах, на которые будет возложено предоставление этих льгот, необходимо указать на обязательность, при обсуждении вопроса о льготах, строго-индивидуального подхода к каждому заключенному и жесткого соблюдения классовой линии; предоставление льгот должно стать не правилом, а исключением».

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Директивное письмо. Циркуляр НКЮ № 18.

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО О ЗАЩИТЕ ПРАВ БАТРАЧЕСТВА.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ ПРОКУРОРАМ.

Дорогие товарищи.

В декабре с. г. в Москве происходил VI Съезд Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР.

На съезде были подытожены результаты проведенной работы по охране труда батрачества и пастушества со стороны государственных и союзных органов.

Положение батрачества и пастушества все еще остается тяжелым, — говорится в резолюции, принятой Съездом, и далее отмечается ряд существенных недочетов, из которых специального внимания органов юстиции заслуживают следующие:

а) слабо проводится защита интересов батрака, работающего в кулацких хозяйствах;

б) недостаточно настойчива борьба с кабальными формами найма (издольщина, наем под видом фиктивного брака, приймачества, воспитания и т. п.), а также с натуральными формами оплаты труда;

в) массовый характер нарушений законов о труде батрачества и пастушества и трудовых договоров (в вопросах рабочего времени, дней отдыха, страхования и др.);

г) случаи формальной регистрации кабальных трудовых договоров на основании договоренности сторон.

Ряд обследований положения батрачества и защиты их прав, произведенных на местах при участии работников Прокуратуры, подтверждают чрезвычайную неудовлетворительность постановки этой работы.

«Актом обследования советскими органами положения батрачества Северского и Коневского районов Кубанского округа, произведенного 8—20 августа 1928 года с участием представителя Окр. Прокуратуры, установлено недостаточно внимательное отношение нарсуда при разборе дел об исках со стороны батраков.

Полученная сумма зарплат по части дел, прекращенных в судебных заседаниях, в связи с примирением, колеблется от 50 до 75% исковых сумм. Нарсуд при утверждении мировой сделки относится формально, не входя в ее сущность и выгодность для истца, не исследуя вопроса, нет ли кабальности, а в большинстве в протоколе пишет общей фразой (дело производством прекратить)».

«Главной причиной прекращения дел со стороны истцов (батраков), — отмечается в акте обследования — чрезвычайно длинный срок разрешения исков в нарсуде. Если к этому добавить нахождение заявления батрака до 15 дней в примирительной комиссии, то станет совершенно ясным, что батраку, вступившему в конфликт с нанимателем, ждать разрешения дела до 1½ месяца непо-

сильно, и он соглашается на условия нанимателя, хотя бы и кабальные, лишь бы только выехать совместно со своими односельчанами на родину».

Согласно имеющимся статистическим данным, по Уралу за 1927 год в примирительных комиссиях было разрешено в пользу батраков 61,4% дел, в пользу нанимателей 11,4% и компромиссных — 27,2%.

Ряд обследований установил, что случаи привлечения кулака за нарушение КЗоТ весьма редки, а там, где такое привлечение имело место, кулаки за серьезные нарушения отделывались штрафом в несколько рублей.

Охват договоров достигает по РСФСР (в среднем) 67%. Надо, однако, учесть количество фактически работающих без договоров гораздо больше, благодаря ухищрениям нанимателей, заменяющих срочных рабочих поддельными, заключающих вместо трудовых договоров — «компанейские», соглашения работать под видом родственников и т. п.

Народный Комиссариат Юстиции неоднократно давал указания прокурорам — при всяком выезде в деревню производить проверку зарегистрированных сельсоветом договоров о найме батраков, выявлять кабальные сделки с привлечением виновных к ответственности. Однако, судя по той оценке, которую дал Съезд работе низового советского аппарата в деле защиты трудовых прав батрачества, работа Прокуратуры в этой области до сих пор является далеко неудовлетворительной.

Неудовлетворительно обстоит также дело с выплатой пособий сельскохозяйственным по социальному страхованию. По некоторым районам замечается чисто формальное проведение в жизнь социального страхования, когда, например, по району собрано взносов по соц. страхованию батраков 1.500 руб., батраки же получили помощи всего на сумму в 7 руб. Таких примеров проводилось на Съезде много.

Все эти факты говорят о том, что постановления 15 Съезда ВКП(б) о безусловном применении КЗоТ в хозяйствах кулацких и временных правил о пособ. наем. труде в крест. хоз. и о социальном страховании в жизнь не проведено.

В циркуляре (190, «Е. С. Ю.» № 45 1927 г.) НКЮ предложено работникам суда и Прокуратуры обратить особое внимание на правовую воспитательную работу среди батрачества, на проверку регистрации договоров сельсоветами, производить обследование работы примирительных комиссий и т. д. В циркуляре № 38 («Е. С. Ю.» № 10 1928 г.) прокурорам на местах предлагалось обратить особое внимание на работу по охране труда батрачества.

Несмотря на категоричность требований и ясность директив НКЮ, защита наемного труда судом и прокуратурой в деревне находится в крайне неудовлетворительном состоянии.

Подтверждая необходимость выполнения ранее данных директив о защите прав батрачества (циркуляр № 190 «Е. С. Ю.» № 48 1927 г., № 38—«Е. С. Ю.» № 10 и п. 2 директивного письма от 30 апреля 1928 г. «Е. С. Ю.» № 16 1928 г.) Народный Комиссариат Юстиции предлагает:

1) На ближайших пленумах краевых, областных, окружных и губернских судов, совещаниях судорганов, совещаниях прокуратуры заслушать доклады о проделанной работе по охране труда батрачества во исполнение вышеупомянутых директив НКЮ.

2) Учитывая недостаточное знакомство с законом о наемном труде работников низового советского аппарата, работники Прокуратуры должны уделить особое внимание инструктивной работе. Как неотложная мера, предлагается прокурорам по всем ВИК'ам и РИК'ам провести в 1-е полугодие 1929 г. однодневные занятия с работниками сельсоветов (председателями и секретарями) о законах о найме рабочей силы, о правилах регистрации договоров и т. д.

3) С целью придать этим занятиям наиболее конкретный характер указания на ошибки, допускаемые сельсоветами при регистрации договоров, предлагается в каждой волости перед проведением однодневного занятия проводить обследование нескольких сельсоветов в части законности зарегистрированных договоров с одновременным обследованием примирительных комиссий, охвата договорами батрачества, выявления кабальных договоров. В дальнейшем производить такую проверку в сельсоветах при всех посещениях деревни.

4) По проведению всей этой работы в волости, следует сделать сообщение о состоянии работы по правовой защите батрачества на расширенном президиуме волисполкома с участием общественных организаций (ККОВ, союз Сельхозлесрабочих и т. д.).

5) В планы по пропаганде права на ближайшее время включить проведение бесед по вопросам ознакомления батрачества и широких крестьянских масс с законами, защищающими права батраков и батрачества.

Судорганам и прокуратуре в своей работе по защите прав батрачества поддерживать тесную связь с профсоюзом сельхозлесрабочих и с органами Наркомтруда, заслушивая их доклады и, в свою очередь, выступая с докладами о работе суда и прокуратуры.

6) Работу по пропаганде права среди батрачества согласовывать с союзом сельхозлесрабочих, включая их в состав агитпропбюро по распространению правовых знаний (сверху и снизу в краевых, областных, окружных, уездных, районных и волостных агитпропбюро).

7) Использовать материалы местных отделов союза сельхозлесрабочих по обследованию положения работников наемного труда и крестьянских хозяйств для выявления кулаков нарушителей КЗоТ для привлечения их к уголовной ответственности;

8) В каждой волости выделить одного-двух батраков для привлечения их в качестве общественных обвинителей по делам о нарушении КЗоТ в кулацких хозяйствах.

9) Усилить судебный надзор за гражданскими и уголовными трудовыми делами о нарушении Временных Правил и КЗоТ в кулацких хозяйствах.

10) Войти с предложением в Президиум краевых, областных и губернских судов о даче указаний народным судам по делам об исках батраков и батрачек, чтобы в числе нарзаседателей при разборе этих дел по возможности участвовали хотя бы один батрак или батрачка.

11) Следить за точным исполнением 5-дневного срока разрешения дел в примирительных комиссиях и недельного срока для разбора батрацких дел в народных судах.

12) Своевременно опротестовывать постановления райисполкомов и ВИК'ов о снижении или аннулировании штрафов, налагаемых инспекторами за нарушение КЗоТ в хозяйствах промышленно-кулацкого типа.

13) Прокурорам проследить за тем, чтобы Советами Народных Комиссаров Автономных Республик, краевыми, областными и губернскими исполнительными комитетами были изданы постановления о предельных размерах крестьянских хозяйств, на которые «Временные Правила» не распространяются. (Инструкция к Временным Правилам об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах—«Собр. Узак.» № 54, ст. 411, ст. 1 (прим. 1) 1925 г.).

14) Использовать печать и в особенности стенгазеты села для популяризации законодательства о защите батрачества, освещения судебных процессов о привлечении нарушителей КЗоТ и Временных Правил и т. п.

15) Для лучшего планового руководства всей работой по проведению в жизнь законов, охраняющих права батрачества, наблюдения прокуратуры в крае (области, губернии) сосредоточить у прокурора по трудовым делам, либо у специально-выделенного пом. прокурора, с охватом ими работы по всему краю (области, губернии).

16) Больше внимание уделить надзору за работой инспекторов труда и проверке производимых ими дознаний по делам батраков при соответствующем инструктировании инспекторов труда.

Прокурор Республики Крыленко.
Пом. Прокурора Республики Нюрина.

16 января 1929 г.

Циркуляр № 18

ВСЕМ КРАЙ-, ОБЛ.- ГУБПРОКУРОРАМ.

О наблюдении прокуратуры за выполнением пост. ВЦИК и СНК РСФСР о снабжении рик'ов и вик'ов «Собранием Узаконений».

Несмотря на имеющееся постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 года («С. У.» 1925 г. № 61, ст. 496) об обеспечении районных и волостных исполнительных комитетов законодательными материалами, с предложением соответствующим исполнительным комитетам включить в местные бюджеты суммы, необходимые для снабжения рик'ов и вик'ов «Собранием узаконений» и распоряжений Раб.-крест. правительства РСФСР» и газетой «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и подтверждающее это постановление циркулярное письмо Президиума ВЦИК за № Д05/36 от 21 ноября 1927 г., разосланное 1/XII 1927 г., местные исполкомы не выполняют указанного постановления и не производят выписки «Собр. узаконений».

В виду того, что НКЮст по Юрид. Издательству заготавливает соответствующее количество «Собр. Узак.» для снабжения рик'ов и вик'ов, остающееся на складах, Народный комиссариат юстиции, считая такое положение ненормальным, предлагает вам наблюдать на местах за исполнением вышеуказанного постановления ВЦИК и СНК РСФСР и разъяснить на местах все значение и важность снабжения рик'ов и вик'ов законодательным материалом.

Член коллегии НКЮ Стальмахович.

4 февраля 1929 г.